

александр щипков

СОБОРНЫЙ ДВОР

публицистические
статьи:

1991—2001

гильдия
религиозной
журналистики
МЕДИАСОЮЗ

Александр Щипков

Соборный двор

«Автор»

2003

УДК 2(470+571)
ББК 86(2Рос)

Щипков А. В.

Соборный двор / А. В. Щипков — «Автор», 2003

Собранные в книге статьи о церкви, вере, религии и их пересечения с политикой не укладываются в какой-либо единый ряд – перед нами жанровая и стилистическая мозаика: статьи, в которых поднимаются вопросы теории, этнографические отчеты, интервью, эссе, жанровые зарисовки, назидательные сказки, в которых рассказчик как бы уходит в сторону и выносит на суд читателя своих героев, располагая их в некоем условном, не хронологическом времени – между стилистикой 19 века и фактологией конца 20-го. Не менее разнообразны и темы: религиозная ситуация в различных регионах страны, портреты примечательных людей, встретившихся автору, взаимоотношение государства и церкви, десакрализация политики и политизация религии, христианство и биоэтика, православный рок-н-ролл, комментарии к статистическим данным, суть и задачи религиозной журналистики... Книга будет интересна всем, кто любит разбираться в нюансах религиозно-политической жизни наших современников и полезна как студентам, севшим за курсовую работу, так и специалистам, обременённым научными степенями. Потому что «Соборный двор» – это кладёзь тонких наблюдений за религиозной жизнью русских людей и умных комментариев к этим наблюдениям.

УДК 2(470+571)

ББК 86(2Рос)

© Щипков А. В., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Предисловие	6
От автора	10
Огородников и другие: как это было	11
Если у Огородникова было обрывочное самообразование, то Володя получил прекрасное систематическое образование, закончил ленинградский университет, он настоящий филолог. И когда Огородников предложил издавать журнал, за это, естественно, вплотную взялись именно они – Саша и Володя. Это был второй очень важный организационный момент. Первый – дом, и второй – журнал. Журнал это уже серьезная работа, серьезная заявка. Название журналу очень быстро придумал Саша – «Община». Многие, помню, тогда были недовольны: как-то некрасиво – «Община», можно было назвать и поярче. А по сути это название совершенно точно отражало то, что у нас было. Это был никакой не семинар, это, конечно же, была община (просто так уж в историю наша группа вошла как «семинар Огородникова»). Редактором журнала – помню, тогда это был великий спор – хотел быть Валера Борщев. Среди нас он был единственным профессиональным журналистом. Но Саша, конечно, не уступил ему редакторского кресла. Вернее сказать – табуретки. Никаких кресел у нас и в помине не было. Валера очень обиделся, но жизнь и время лечат любые раны. А литературной частью «Общины» ведал блестящий поэт – Олег Охупкин. В его питерской квартире мы ежегодно проводили «Гумилевские чтения». Олег отличался от нас – он с детства воспитывался в церкви и был православным «от корня». В юности на его религиозность сильно повлиял знаменитый астроном Николай Козырев...	15
Православная провинция. Петрозаводск	22
Языческое гнездо в пушкинском доме	25
Православный рок	27
Или правда, или ничего	30
Православная провинция. Сыктывкар	34
Православная провинция. Смоленск	38
Епископ и муха	41
Архимандрит Зинон: «Я более не хочу жить враждой»	43
Монолог женоненавистника	45
Стояние Зои в граде Самаре	47
Плѣнка с фонограммой, хр. 0.30	48
Ведущий реагирует на последнюю реплику:	49
Звучит грустная музыка	50
Всплеск «Ландышей», резкая остановка музыки	51
Отбивка – грохот падающего стула...	52
Звучит джингл – «Перпендикулярная музыка в программе Александра Щипкова «Во что верит Россия»	53
Музыка резко уводится	54

Про то, как губернатор в бога уверовал	56
Православная провинция. Белгород	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Щипков

Соборный двор

Предисловие

Религия в России больше, чем религия
Лев Митрохин, академик РАН

После развала СССР тема религии стала одной из приоритетных. О ней высказывались, кажется, все – от серьезных специалистов до бойких журналистов, склонных к сенсациям. И вот книга А. В. Щипкова – если не ошибаюсь, первый сборник журналистских (не проповеднических, исторических или теоретико-философских) публикаций о религии. Это хороший повод для того, чтобы поразмышлять о роли mass media в создании религиозной ситуации, в которой мы сегодня пребываем.

Вспомним, как это начиналось. Политика гласности отозвалась потоком материалов о «белых пятнах» истории, которые проступали только цветом кровавым; произошел обвал всей системы официальных идолов и идеалов; с негодованием было отвергнуто репрессивное большевистское безбожие; в обществе воцарился тягостный духовный вакуум. В этой обстановке лишь религия могла восприниматься как мировоззрение, символизирующее полный разрыв с прежним тоталитаризмом, а вскоре и как панацея от всех социальных и моральных недугов. Не только религиозные, но и большинство светских авторов провозгласили лозунг «Без религии у России нет будущего». Наступило время страстного токования: «покаяние», «духовность», «святость». Сегодня мы живем в «светском государстве», где религия (прежде всего, православие) фигурирует как едва ли не как официальная идеология, как главный исток российской духовности и патриотизма.

Может показаться, что цепочка этих событий выстраивалась как бы автоматически, само собой. На самом деле, процесс, до сих пор безмятежно именуемый «перестройкой», уже на начальной стадии вышел из-под контроля его социологически малограмотных «инженеров». Поскольку сколько-нибудь ясное представление о том, как относиться к церкви и религии, у них отсутствовало, то официальная печать до последней возможности отстаивала догмы ленинско-сталинского атеизма.

Несколько забытых фактов. 30 июля 1986 года «Комсомольская правда» публикует статью И. Кривелева «Кокетничая с боженькой», в которой В. Астафьев, Ч. Айтматов, В. Быков торжественно уличаются в богоискательских грехах. Попытка Е. Евтушенко защитить коллег привела к появлению в газете (10.XII.86) статьи «Не вера, а знания» С. Калтахчяна, который зачислил поэта в число тех, кто «не в ладу с известными истинами марксизма-ленинизма и допускает мировоззренческую путаницу». Она вызвала острую дискуссию, и партия в своем директивном «органе» решает внести полную ясность. 28 сентября 1987 года «Правда» разразилась передовицей «Воспитывать убежденных атеистов», в которой говорилось: «Ленинский принцип классово-партийного подхода к религии как ложной от начала и до конца системе взглядов и сегодня остается в силе», и поэтому главная задача состоит в том, чтобы «наполнить все формы и средства атеистического воспитания глубоким политическим содержанием» (курсив мой – Л. М.). Ободренная такой поддержкой комсомольская газета публикует (21. X. 1987) боевитую статью журналистки Е. Лосото, в которой И. Кривелев и С. Калтахчян предстают в облике бестрепетных рыцарей в борьбе с новоявленными обскурантами. Эта инерция «воинствующего атеизма» действовала вплоть до развала КПСС.

Так что решительные сдвиги в религиозной ситуации, определялись не кремлевскими мыслителями, а преимущественно давлением «снизу», энергией mass media, вырвавшимся на свободу. И если сегодня мы констатируем серьезные достижения в обретении религиозной свободы, то не грех с благодарностью вспомнить о журналистских выступлениях «Огонька», «Литературной газеты», «Московских новостей» и многих других изданий, во многом формировавших общественное мнение и ревностно подталкивавших власти к реформам государственно-церковных отношений. В эти годы свои первые шаги на журналистском поприще делает и А. В. Щипков.

Моя встреча с ним приходится на начало 90-х годов. В 1993 г. Д. Фурман и С. Филатов, уже издавшие два солидных сборника («На пути к свободе совести» – 1989, «Религия и демократия» – 1993), предложили мне стать ответственным редактором третьего и передали объемистую (более 3 а. л.) рукопись А. В. Щипкова «Христианская демократия в России». Это была первая обстоятельная работа на предельно актуальную тему (разношерстные религиозно-политические организации в эти годы росли как грибы). Автор обобщил громадный фактический материал, прежде всего интервью с лидерами соответствующих партий и союзов. При этом он проявил теоретическую грамотность в объяснении сложившейся ситуации, в том числе и непреодолимых трудностей, с которыми столкнулись христианские демократы в традиционно православной стране. Короче говоря, это была удачная работа, и я не только опубликовал ее¹, но и предложил автору подготовить на ее основе кандидатскую диссертацию, которую А. В. Щипков успешно защитил в Институте философии РАН. (В скобках замечу, что удивлен, почему он не включил эту работу в сборник: она украсила бы его.)

Переиздание публицистических материалов – дело рискованное. Журналистика – жанр оперативный, это определяет и ее преимущества, и ее недостатки. С одной стороны, она по горячим следам описывает и оценивает необычные, «отклоняющиеся» от нормы факты, рассказ о которых вызывает массовый интерес. С другой, они, так сказать, по своему определению недолговечны, их прежние оценки быстро теряют свою злободневность. Но в данном случае речь идет о религии, и здесь имеются некоторые тонкости.

Вот уже 15 лет мы живем в достаточно бестолковой религиозной ситуации. Кардинально меняется прежнее отношение к вере в Бога, выходят наружу десятилетиями копившиеся противоречия, лихорадочно, часто вслепую, без понимания долговременных последствий вводятся новые регламентации, которые вскоре отменяются, появляются, расцветают, а потом уходят на второй план ранее немыслимые религиозные образования, меняется сама география распространения религиозных объединений. Причем все эти сдвиги и противоречия далеки от завершения, и власти по-прежнему пользуются методом проб и ошибок. В этих условиях именно легкая на подъем журналистика способна не просто описать подвижную религиозную мозаику и ее причудливые метаморфозы, но и подсказать разумные, «цивилизованные» пути решения возникающих проблем.

И тогда далекие факты и эмоции вновь оживают, обретают злободневность в наших сегодняшних тревогах и размышлениях. Уже не новость, но еще не документ эпохи – в этом зазоре и живут сегодня, журналистские публикации, увидевшие свет за минувший десяток лет. Такое совмещение актуальности, предполагаемой самим жанром, с неактуальностью фактической дает эффект отстранения от них: мы смотрим не из той точки, в которой они были написаны, и невольно соотносим их с нынешней, уже изменившейся ситуацией. Тем более, что сегодня религия в России – нечто большее, чем просто религия, ее не отделить от многострадальной истории отечества, а поэтому вдумчивое описание недавнего религиозного прошлого – это рассказ о становлении нынешнего общества с ненавязчивыми подсказками на будущее. Так что

¹ Религия и политика в посткоммунистической России. М., 1994.

публикация сборников лучших журналистских материалов – дело не только увлекательное, но и необходимое. Уверен, что это в полной мере относится и к книге Александра Щипкова.

В одном из своих писем ко мне А. Щипков не без добродушной самоиронии так повествует о предыстории данного сборника: «Меня немного потрепали власти советские. Но не смертельно. Пропустили через жернова мягкие: исключили из института, послали на перевоспитание служить в Туркестанский военный округ, обучили разным рабочим профессиям. Всё вещи полезные. А в конце 80-х потеплело, и я стал пописывать статейки в разные издания. Да и пристрастился к этому занятию. А позже неожиданно пригласили работать на Радио России, программы о религии делать. Тут меня Вы и заметили и благословили пообщаться с людьми академической школы. Так и оказался я артистом разговорного жанра, с дипломом кандидата философских наук и непреодолимой тягой к письменным занятиям».

Во всех материалах зримо виден автор – самобытный, познавший по чем фунт лиха, но сохранивший какую-то детскую непосредственность и романтически-восторженное отношение и к жизни, и к своим делам в ней. Здесь, впрочем, мне особенно рассуждать нечего. В интервью «Огородников и другие: как это было» А. В. Щипков с подкупающей искренностью не только поведал о собственном пути в сочинительство, но и подсказал отличительные черты своего будущего стиля: категоричность оценок, лексическую изобретательность, сходную с игрой, чувство слова и юмора.

Я пишу не внутренний отзыв или рецензию, а что-то вроде доброго напутствия младшему коллеге, а поэтому удержусь от раздачи автору лавровых венков и розог. Каждый читатель волен распределять их по-своему. (Кстати, в примечаниях автор довольно трезво судит о качестве своих публикаций). Лишь несколько беглых дружеских соображений.

Собранные в книге статьи не укладываются в какой-либо единый ряд – перед нами жанровая и стилистическая мозаика: статьи, в которых поднимаются вопросы теории, этнографические отчеты, интервью, эссе, жанровые зарисовки, назидательные сказки, в которых рассказчик как бы уходит в сторону и выносит на суд читателя своих героев, располагая их в некоем условном, не хронологическом времени – между стилистикой 19 века и фактологией конца 20-го. (Такова, к примеру, зарисовка «Епископ и муха», основанная на реальном факте).

Не менее разнообразны и темы: религиозная ситуация в различных регионах страны, портреты примечательных людей, встретившихся автору, взаимоотношение государства и церкви, десакрализация политики и политизация религии, христианство и биоэтика, православный рок-н-ролл, комментарии к статистическим данным, суть и задачи религиозной журналистики и т. д. Разумеется, сегодня эти материалы не выглядят равноценными.

Наиболее удачны, на мой взгляд, основанные на личных встречах характеристики религиозной ситуации в различных регионах (на Украине, в Белоруссии, Грузии, Карелии, Якутии и т. д.), портреты видных религиозных деятелей, например, митрополита Иоанна (Снычева), архимандрита Зинова, критические выступления против людей, равнодушных к судьбам церкви (а значит и верующих) или искажающих православное кредо. Излишне инструктивной и не во всем убедительной выглядит статья (1993) «Тоталитарные секты» (едва ли главное средство против влияния религиозных культов – это «сомнение», Церковь Муна и Общество сознания Кришны существенно различаются между собой и т. д. Здесь, по-видимому, сказался пафос православных авторов, которые и баптизм обличают как «секту»). В то же время материалы о Богородичном центре и Белом Братстве написаны живо и читаются с интересом.

Как председатель Гильдии религиозной журналистики А. В. Щипков чувствует себя ответственным за солидное теоретическое разьяснение дела, которым он занимается, за подъем престижа религиозной журналистики. Думаю, что он прав: пока эти «статьи несовершенны», в них «слишком много эмоций» и споры на эту тему следует продолжать. Я могу лишь пожелать ему успеха, хотя и сейчас автор выявил целый ряд содержательных тонкостей и нюансов.

Кстати сказать, внимательный читатель заметит, что взгляды самого автора за минувшие годы претерпели определенную эволюцию. Если раньше он ратовал за полную религиозную свободу, то теперь отстаивает необходимость разумного контроля и даже предлагает создать при администрации президента РФ светский Департамент по культам в качестве органа, вырабатывающего стратегию в области религиозной политики.

Можно согласиться с А. В. Щипковым: для регулирования сложных государственно-церковных отношений сама по себе регистрационная система недостаточна. Ссылаясь на опыт Грузии и Армении, он выступает за «конкордатную» систему взаимоотношений между государством и религиозными организациями, при которой обе стороны берут на себя определенные обязательства. Против такой идеи возразить трудно. Однако, возникают опасения, не получится ли так, что власть получит возможность наделять правами (или отбирать право) у организаций по собственному усмотрению? Выведет ли подобное соглашение из тени все еще непрозрачные для общества отношения между светскими и церковными властями, или только послужит ущемлению прав «нетрадиционных конфессий»? Все эти вопросы надлежит решать юристам, но сама постановка вопроса, безусловно, перспективна.

Одним словом, А. В. Щипков – автор компетентный, искренний, увлекающийся, изобретательный, склонный к эпатажу и жанровому озорству; его материалы переносят нас в мир недавних «перестроечных» переживаний и эмоций, так или иначе перекликающихся с нынешними тревогами; в них много поучительного для каждого, кто всерьез озабочен будущим России.

28 августа 2002 года.

Академик Российской академии наук

Л. Н. Митрохин.

От автора

В книжку «Соборный двор» включены статьи, написанные в 1991–2001 годах. Они писались по горячим следам протекавших событий и потому с одной стороны отражают религиозную жизнь страны этого периода, с другой – сами являются частью этой жизни.

Статьи разные. По темам, по жанрам, по стилистике. Публицистика, социологические очерки, интервью, фельетоны, тексты сценарных планов для радиопрограммы «Во что верит Россия», которую я веду с 1996 года на Радио России.

Темы меня интересовали разные, но все они, так или иначе, были связаны с религиозной тематикой: церковь и общество, новые религиозные движения, национальное язычество, христианские партии, государственно-церковные отношения, проблемы русской религиозной журналистики.

От разношерстности тем – и название книжки. Если меня спросить, какой бы эпитафия я выбрал к «Соборному двору», то я бы, пожалуй, остановился на цитате из замечательного армянского поэта и богослова Григора Нарекаци:

«Добрый и злым,
Боязливым и храбрым,
Мужчинам и женщинам,
Повелителям и подвластным,
Дьяконам благонравным,
Священникам благочестивым,
Епископам неусыпным и попечительным,
Наместникам Божьим на престоле патриаршем,
Кои раздают дары благодати и рукополагают.
Всем им подношу я книгу свою.»

А.Щ.

Огородников и другие: как это было

Интервью журналу «Истина и жизнь»²

Опубликовано: Журнал «Истина и жизнь». – 1998. – № 8.

Свящ. Александр Хмельницкий: Как и когда возник Христианский семинар?

Александр Щипков: Семинар был организован в первой половине семидесятых годов. Не за один день, не за один месяц. Инициатива исходила от Александра Огородникова, студента ВГИКА. «Семинаристы» в основном рекрутировались из круга духовных чад отца Дмитрия Дудко. В то время все было проще, нежели сейчас. Нам не требовалась регистрация, печать, «крыша». Мы организовались простым самопровозглашением, «печатью» нам были длинные волосы и трехкратное целование при встрече, а «крышей» – Господь Бог.

Вокруг отца Дмитрия Дудко крутилось довольно много православной и околоправославной молодежи. Надо сказать, что его приходская община не была так четко организована и структурирована, как, скажем, общинные группы отца Александра Меня. Мы съезжались в подмосковные деревни Кабаново, затем Гребнево, где служил отец Дмитрий, на субботу и воскресенье, порой до ста пятидесяти человек набивалось в избушку. Вечером долго вычитывали правила, исповедовались, наутро – литургия; основное общение протекало за трапезами, переходящими в долгие разговоры. Здесь мы знакомились, здесь завязывалась дружба, возникали симпатии и антипатии, здесь рождались всевозможные идеи. В том числе и идея создать некий «семинар» для самообразования. Ведь для большинства из нас дорога в духовную семинарию была закрыта, так как на всех чадах отца Дмитрия стоял «антисоветский» штамп.

Ну, а вы-то в это время в Питере жили?

Нет. В Питер мы с семьей вернулись в 80-м году, а в то время жили в Смоленске. И попал я к отцу Дмитрию совершенно случайно. Услышал по «вражьему голосу», что есть такой замечательный священник в Москве, который не боится советской власти, и мне было очень любопытно. Я был школьником-десятиклассником и на зимние каникулы приехал в Москву, погостить у маминой подруги, поболтать по Кремлю, Третьяковке, ну, что положено делать примерно мальчику из интеллигентной семьи, а сам потихоньку поехал в Кабаново. Просто посмотреть на «антисоветского» батюшку. Все антисоветское привлекало меня, усиливало юношеские романтические устремления и давало ощущение свободы. Я был совершенно нецерковный, нерелигиозный мальчик, но наша семья была критически настроена к советской власти, и я восхищался всякими героями, которые боролись и которых сажали в тюрьмы.

Приехал я в Кабаново в зимний солнечный, морозный день. Маленькая деревянная церковка. Попал на венчание немолодой уже пары, почти пожилой, как мне казалось тогда, – им было лет по сорок. К моему удивлению, меня не выгнали. Отец Дмитрий спросил, крещен ли я и, получив утвердительный ответ, сказал: бери венец и становись за женихом – шафером будешь. Я взял венец и навсегда остался в Церкви. Конечно же, позже пришлось пережить крутую ломку. Ощущение Бога давило меня, пугало. Это случилось так внезапно, что я пытался стряхнуть с себя веру и вернуться в прошлое привычное состояние. Потом понял, что это невозможно, и мне стало страшно – я осознал нутром, что стал другим. Никакие сформулированные богословами термины, ни «преображение», ни «метанойя», ни «рождение свыше», не могут передать того состояния, оно не поддается рефлексии. Сочетание несочетаемых ощущений – блаженной полноты существования, ужаса от присутствия рядом некой гро-

² Тема интервью – рассказ о подпольном Христианском семинаре, который существовал в Москве в 70-е годы. Вопросы задавал главный редактор журнала «Истина и жизнь» свящ. Александр Хмельницкий.

мадной божественной силы и полного раскрепощения, полной свободы. Той свободы, к которой рвался, и которую получил совсем в ином облике.

Я всегда вспоминаю отца Дмитрия с любовью и благодарностью. Надо сказать, что он никого не принуждал, ни на кого не давил. Авторитаризма не было. Сейчас некоторые говорят, что он был достаточно жесткий человек, но на себе я этого никогда не испытывал. А параллельно шла совсем другая жизнь: школа, затем институт, субботники, танцы, стройотряды...

Тогда же вы познакомились и с Александром Огородниковым?

Да. К тому времени Саша уже был воцерковленным христианином и прошел свой путь. В юности он был убежденным ленинцем, комсомольским лидером в маленьком татарском городке Чистополе, но всегда находился в каком-то энергичном поиске своего места. Учился в разных вузах страны. Он всегда был склонен к самоорганизации и к организации вокруг себя людей, в нем есть некая административная жилка. По крайней мере, была тогда. И когда он проделал свой сложный путь и попал в Церковь, то и здесь он пытался что-то организовать. После комсомола он увлекся движением хиппи, путешествовал по стране автостопом, ездил на хипповые тусовки в Прибалтику. Снимал фильмы о хиппи. За это его, если я не путаю, и выгнали из ВГИКа. Все мы тогда были немного хиппи, немного монархисты: носили длинные волосы и косоворотки, не очень понимая, где в нас русская часть, а где – западная.

Именно Саша предложил организовать семинар для самообразования и для того, чтобы осмыслить собственное появление в Православной церкви. Это был первый шаг, на который довольно много народа откликнулось, потому что учиться нам было негде. И мы читали друг другу лекции. Все это имело на первом этапе доморощенный вид. Прочитает человек книжку, и как в институте на семинаре: прочитал – рассказал товарищам. Но на самом деле на нашем семинаре это было не главное, это была только форма. Главным же было общение, бессонные чаепития, притирка друг к другу. В действительности мы были втянуты в процесс организации христианской общины, и сами не сразу это осознали. Это был процесс воцерковления и опыт христианской любви. Опыт, который наложил на нас отпечаток на всю последующую жизнь.

Но община наша жила без священника. Формально мы все были около отца Дмитрия Дудко, но он относился к инициативе чрезвычайно моторного Огородникова с некоторой настороженностью. Может быть, тут отчасти ревность была, отчасти – опасение за наши судьбы. Помню, как отец Дмитрий долго уговаривал меня не лезть под колеса системы, завершить учебу в институте, получить образование и диплом, чего так и не получилось в конце концов – выгнали перед госэкзаменами. Возможно, он чувствовал свою ответственность и пытался нас удержать от излишней горячности. А мы, конечно, лезли на рожон, и нам хотелось лезть на рожон, доставляло удовольствие. Кроме того, отца Дмитрия не могли не шокировать наши юношеские проделки. Например, в дворницкой на проспекте Мира, где работал и жил Саша, по его сценарию был поставлен балет «Ленин – супер стар». Негры, перепоясанные пулеметными лентами, изображали большевиков. Они танцевали с большевичками – большевички были одеты в красные колготки и густо дымили «Беломором». Па-де-труа Ленин-Крупская-Дзержинский доводил публику до истерического хохота, а заключительный вынос тела вождя сопровождался пуском сероводорода из специальных пузырьков. Говорят, что в аду преобладает именно этот запах...

В конце концов у нас сформировалась настоящая община. Мы собирались достаточно часто, минимум раз в месяц, из разных городов: из Минска, из Смоленска, из Витебска, из Петербурга, из Уфы, из Москвы. И у нас было ощущение кипения жизни и ощущение, что вся Россия вместе с нами.

Реально всех находил и собирал Огородников. Он невероятно талантливый, яркий и артистичный человек. Если он передает тебе «поклон от почаевских монахов», так это не на словах поклон – падает на колени, и бах! – лбом об пол. Тут, вам покажется, элемент театра, но это не было театром, это не было искусственным или наигранным, это все было

живо. Мы входили в новые роли, потому что мы пришли в Церковь, в совершенно иной мир, где люди иначе разговаривают, иначе ходят, иначе одеваются, иначе думают, они не такие, каков окружающий нас «красный мир». Вот эта антисоветская, а за ней скрывалась неотрефлексированная антиэтатистская, составляющая была для многих не менее объемна, чем религиозная. И в этом нет ничего ни странного, ни предосудительного. Вспомните, ведь и православные катакомбники, и баптисты-инициативники идею советского антихристового государства поднимали до религиозного уровня. Мы ощущали, что наше призвание – не походить на окружающий нас мир.

Никакой жесткой структуры в Семинаре не было. Никакого членства. Большею частью мы собирались по разным квартирам в Москве. Иногда в Питере, иногда в нашей смоленской квартире. Будущий историк вправе будет написать, что в Смоленске находилось отделение подпольной православной организации «Семинар». На самом же деле живая жизнь гораздо милее и прозаичнее. Просто в нашей квартире собирались мамы ученики (она преподавала французский язык в педагогическом институте), приходили мои друзья-студенты, к Любе, моей жене, приходили подруги. То мы занимались латынью, то читали «Лебединый стан» или «Реквием», а попутно шли разговоры. Позже устраивали библейские чтения. И все это по-домашнему, попросту. В общем, это были традиционные кухонные посиделки, но мы остро ощущали причастность к общему делу. Семинар был не столько организацией, сколько общением. А вот когда во второй половине 70-х мы купили дом, это уже, конечно, был серьезный шаг в организационную сторону.

Дом покупали в складчину, но основную сумму нам дали монахи Почаевского монастыря. Дом находился в Калининской области, теперь Тверской, на станции Редкино. Это был очень интересный дом: старый, большой, рубленый деревенский дом, на котором висела мраморная мемориальная доска с надписью, рассказывающей о том, что в этом доме жил художник, если мне не изменяет память, академик Творожников. Это обстоятельство придавало нашему дому какой-то определенный шарм. Мы мечтали повесить на коньке трехцветный российский флаг и объявить маленькую свободную территорию в 15 соток, где мы живем сами по себе. Вот наш дом, вот наш забор, вот наш сарай, огород, малина, и здесь мы собираемся на наш Семинар. И с тех пор мы собирались только в этом доме.

В тот период вот это и была наша Церковь – наша община. Все мы были православными, все ходили в храмы, все причащались, но поскольку реально-то приходской жизни в Церкви не было, то вот это и была такая наша молодежная форма приходской жизни. Хотя среди членов Семинара были и зрелые люди. Например, моей маме было уже за сорок...

Саха мечтал поднять уровень нашего семинара, скажем, пытался пригласить С. Аверинцева, И. Шафаревича в Редкино читать нам лекции, но они уклонились от приглашений. Позже, уже в начале 80-х в Москве и Питере появились группы, где образовательная работа была поставлена более основательно, была более законспирирована, с нормально разработанными учебными программами. И издание самиздатской богословской литературы в 80-е было налажено почти профессионально. А в первой половине 70-х это все еще только назревало. Огородников был одним из первых. Именно он придумал сам термин «семинары», и мы себя в шутку называли «семинаристы», хотя, повторяю, образовательный момент был далеко не главным. Для меня самое главное было – форма православной общинной жизни. А в церковь мы ходили пешком в соседнюю деревню...

И власти вас, похоже, не трогали?

Постепенно стали трогать. Так или иначе возникали какие-то неприятности то у одного, то у другого. Больше всех, конечно, у Саши, поскольку он был организатором. Задним числом, четверть века спустя, нужно смотреть на ситуацию более трезво. Конечно, власти нам дали попрыгать какое-то время. То была «хельсинкская» пора, и власти вынуждены были дать стране маленький люфт...

Вторым по значимости человеком в Семинаре был ленинградский филолог Владимир Пореш. Он родом из Смоленска и учился у моей мамы. Затем переехал в Питер и работал в «бане», т. е. в Библиотеке Академии наук. С Огородниковым они познакомились при следующих обстоятельствах. Стоял Пореш на Невском проспекте: борода, длинные волосы и джинсы. Навстречу идет человек – тоже борода, тоже длинные волосы, тоже джинсы. Подходит и спрашивает Пореша: «Вы антисоветчик?» – «Да». – «Можно у вас переночевать?». Это был Огородников. Они с Порешем стали большими друзьями. Это Сашина черта – он умеет находить людей.

Просто вот так интуитивно, по внешности?

А почему нет? Сегодня труднее, но все равно православного и кришнаита выделите из толпы без большого усилия. А в 70-е годы ошибиться было практически невозможно...

Если у Огородникова было обрывочное самообразование, то Володя получил прекрасное систематическое образование, закончил ленинградский университет, он настоящий филолог. И когда Огородников предложил издавать журнал, за это, естественно, вплотную взялись именно они – Саша и Володя. Это был второй очень важный организационный момент. Первый – дом, и второй – журнал. Журнал это уже серьезная работа, серьезная заявка. Название журналу очень быстро придумал Саша – «Община». Многие, помню, тогда были недовольны: как-то некрасиво – «Община», можно было назвать и поярче. А по сути это название совершенно точно отражало то, что у нас было. Это был никакой не семинар, это, конечно же, была община (просто так уж в историю наша группа вошла как «семинар Огородникова»). Редактором журнала – помню, тогда это был великий спор – хотел быть Валера Борщев. Среди нас он был единственным профессиональным журналистом. Но Саша, конечно, не уступил ему редакторского кресла. Вернее сказать – табуретки. Никаких кресел у нас и в помине не было. Валера очень обиделся, но жизнь и время лечат любые раны. А литературной частью «Общины» ведал блестящий поэт – Олег Охупкин. В его питерской квартире мы ежегодно проводили «Гумилевские чтения». Олег отличался от нас – он с детства воспитывался в церкви и был православным «от корня». В юности на его религиозность сильно повлиял знаменитый астроном Николай Козырев...

Вы были самым молодым участником?

Нет. Были и еще моложе меня. Например, Сережа Ермолаев. Четыре года отсидел парень...

А по составу?

Вообще-то, вокруг Семинара было много временных людей, случайных и странных: стукачей, бродячих странников, появлялись катакомбные христиане из ИПЦ, приезжали баптисты-инициативники. В ту пору мы открыли для себя громадный религиозный мир России. Я, например, до этого не отличал баптиста-инициативника от баптиста из ВСЕХБ. Потом

понял разницу... Разумеется, мы предпочитали общаться с инициативниками, потому что они занимали четкую позицию по отношению к режиму. Вот сейчас возьмите, скажем, какого-нибудь «крутого» катакомбника, который не признает Московскую Патриархию, при этом он, конечно же, монархист, ярый антиэкуменист и считает протестантизм отвратительной ересью. Представим, что перед ним стоит выбор: с кем общаться – с патриархийным священником или с баптистом-инициативником. Конечно, он будет общаться с баптистом-инициативником или с каким-нибудь старообрядцем, который не признает государство. Что для настоящего катакомбника, что для старовера, что для инициативника – и Ленин был антихристом, и Брежнев, и Ельцин – антихрист. И любое государство – антихристово. Это их объединяет.

Тогда шло налаживание первых контактов, знакомств. Некоторые связи сохранились до сих пор. Скажем, моя мама находилась в заключении под Уссурийском в одной колонии с Галей Вильчинской, девушкой из очень известной семьи баптистов-инициативников. Так её братья, а опыт лагерный у них был огромный, очень много мне помогали советами, учили писать тайными чернилами (до сих пор рецепт помню). Это показывало степень их доверия ко мне, православному: они мне даже такие секреты раскрывали. При этом мы всегда сохраняли определенную дистанцию – вместе не молились и при возникновении диалогов на богословские темы отстаивали православную точку зрения. Для меня такое общение и есть «экуменизм». К слову сказать, нынешние молодые православные консерваторы, рассуждающие о вреде экуменизма, даже не подозревают, что по сравнению с настоящими русскими протестантами они просто школьники, потому что самые жаркие антиэкуменисты, которых мне приходилось встречать в жизни, – это именно русские протестанты (сознательно не определяю деноминации, чтобы не вызывать бесполезных дискуссий). И богословски свой антиэкуменизм они объясняют гораздо внятнее...

Огородников, конечно, писал в своей жизни какие-то статьи, но реально он автор одного текста. Саша обидится на меня, но это так, он автор одного текста, на мой взгляд текста блестящего. Он написал Декларацию Семинара, которая была опубликована в нашем журнале «Община». В Декларации он выразил и наши взгляды, и наши эмоции, и наши настроения. Прочитую:

«Грозные судьбоносные события, обрушившиеся на нашу Россию, вызвали насильственное уничтожение христианской культуры и общественной жизни, христианских основ и привели к пробуждению самых низменных инстинктов. Страшное моральное разложение народа, пьянство, волна дикого уголовно-хулиганского террора, залившего страхом ночные улицы российских городов, – итог социалистических экспериментов...

Мы бродим как проклятые в смраде больших городов по кладбищу и пепелищу нашей Родины. Ядовитый цинизм и ирония, предлагаемые нам миром как стиль отношений и способ выживания, разлагают наши души...

Наш комсомольский пафос и романтическая слепота были испытаны демонически-разрушительной силой жизни. Нас с детства учили, что красный цвет, цвет крови, лучший из цветов, и мы повязывали красные галстуки и вставляли под тяжелый бархат знамен. Мы вставляли в строй под мажорно-бодрящие звуки военно-физкультурных гимнов. И нас охватывало чувство соединенности с этим орущим стадом...

Живая государственная практика исходит из положения, что человек глуп, туп, не способен управлять собой и нуждается в строгой регламентации. За нас решают, как нам жить, что нам читать, что нам смотреть, что петь и даже с кем спать. Нам от рождения всей социалистической культурой дан цельный, законченный, абсолютно и по существу ложный образ мира...

Мы хотим излить на этих страницах нашу боль, и дать образ нашего мучительного пути, пути молодого человека от марксистской идеологии и безответственности атеизма на паперть Храма Божия...»

Сейчас к этому тексту могут отнести с иронией, но это будет несправедливо. В 70-е это прозвучало очень сильно. И когда Декларацию прочитали по «голосам», она произвела впечатление выстрела.

Судя по этому отрывку, это не столько религиозный, сколько какой-то политико-идеологический текст.

Да. А что было нашей религией? Какова была наша религиозность? Она такая и была. Это был замес каких-то наших представлений антисоветских, начально религиозных. Ну а что мы читали? Мало. На чем строилось все религиозное образование? На книге отца Дмитрия Дудко «О нашем уповании», на анонимном катехизисе, который, как выяснилось позже, написал отец Александр Мень, да на «Школе молитвы» владыки Антония Блума – вот три самых распространенных «самиздатских» текста, которые ходили по рукам и реально были нам доступны. В общем, это было маловато. В реальной жизни не бывает так, что вот мы пришли в церковь и на следующий день стали воцерковленными людьми, стали православными, это же длительный процесс. Наш Семинар был одной из форм воцерковления.

Я другое имел в виду. Даже если бы вы были сознательные, воцерковленные, активные, благочестивые православные, тем не менее для вас важнее были какие-то общественные, политические, социальные аспекты.

Важны, но не «важнее». Я, может быть, так сильно на них делаю акцент потому, что лично для меня это было так важно. Для других, может быть, другое, для каждого члена нашего семинара – свое. Но то, что мы не были тихими церковными мышами, это – однозначно. Мы отличались от тех, кто тихо совмещал советскую службу и церковь. Нам это казалось невозможным компромиссом. Мы ломали перегородку между Церковью и обществом. Это можно назвать героизмом, можно назвать эпатажем, но ни то, ни другое неверно. Скажем, я в открытую носил крест в институте, а во время школьной практики, когда кто-то из детей – не помню, по какому поводу – сказал, что Библии не существует, я на следующий день принес знаменитое патриархийное издание, очень дорогое, стоило 70 рублей, серые и зеленые были обложки. И я показал ее: как нет? – вот она. И дети, семиклассники, были в шоке. Это сейчас смешно, конечно, это мелочи какие-то были, но мы все время ломали вот эту перегородку. Покупка дома и издание журнала – это уже было, конечно, серьезное дело, а в общем-то, мы ничего не «ковали», ничего не организовывали, мы просто жили, но мы сами себе поставили цель: жить свободно, так, как мы хотим. Разумеется, и «Жить не по лжи» свою работу делала.

Потом мы женились, рожали детей, какие-то отношения устанавливались между женами, не всегда простые. У меня родился сын Данила, у Володи Пореша – дочь Ольга, у Саши Огородникова – сын Дмитрий. Как-то у всех в одном, 1977 году.

Жизнь текла, дети рождались, и все продолжалось?

Да. И развивалось. История длинная и очень сложная. Что касается журнала, то первый номер был очень маленький, я его никогда в жизни не видал, потому что его Саша написал, попал в больницу и хранил под матрасом. Вот из-под матраса тот номер бесследно и исчез. За ним уже вовсю шла слежка. В общем, украли этот номер. Не знаю, то ли КГБ, то ли случайно. Этот номер пропал навсегда. Это была тоненькая тетрадошка. Второй номер делался уже серьезнее. В нем мы попытались определить, кто мы такие, свое место, каждый написал какую-то заметочку. Надо сказать, что у Саши задолго до журнала была идея собрать сборник свидетельств «Как я пришел к вере». Интересная идея. Мы начали писать тексты, Саша их собирал, но все это было куда-то потеряно. А потом трансформировалось в идею журнала...

А журнал выходил как чей-то?

Семинара, т. е. это был журнал, представляющий наш семинар. Где-то к 77-му – 78-му году мы уже ощущали себя организацией, хотя, повторю, ни членства, ни взносов, никакого организационного начала не было.

И руководства не было?

И руководства не было. У нас был харизматический лидер – сам Саша Огородников. Ни выборов, ничего подобного не было, конечно.

И никогда никому не приходило в голову создавать какую-то структуру?

Просто в голову не приходило. Нам приходило в голову, скажем, повесить на доме триколор российский или развести павлинов, чтобы они грациозно прохаживались по огороду.

Немного играли?

С одной стороны, действительно, была очень серьезная, напряженная внутренняя религиозная, духовная жизнь; с другой стороны, был какой-то элемент игры, элемент детективной, подпольной жизни, потому что действительно следили, и мы к этому уже начали привыкать, чувство опасности и осторожность притуплялись. Подпольную романтику мы пережили сполна. И погони были, и пересаживания с поезда на поезд, и фотопленки, и даже классическое раскачивание перед дверью электрички в метро: кто первый не выдержит и впрыгнет в закрывающиеся двери – ты или филер. Все было...

Вы, грубо говоря, играли в конспирацию или действительно убегали от топтунов?

От самых реальных живых филеров, ведь где-то незадолго до разгрома Семинара слежка была очень плотной. Помню, после исключения из института я работал на товарной станции грузчиком – так чекисты полный рабочий день маялись, наблюдая как я грузю вагоны.

На самом же деле для КГБ мы были просто... ну, как мураши – раздавить можно в шесть секунд. И все наши формы конспирации помогали слабо. Реально законспирироваться человек может только в одном случае – если он работает в одиночестве. Так, как делал Солженицын: сам написал, сам закопал, сам откопал. А знают два человека – все, пиши пропало. Не потому, что второй – стукач, а потому, что информация уже утеряна, улетела. А у нас, при нашей телефонной говорливости, ничего не хранилось в тайне. Знаменитый анекдот, «Ты съел пирожок, который я дал тебе на той неделе? – Какой пирожок? – Ну такой, синенький. – Синенький? Да съел, спасибо, очень понравился, могу вернуть», – это точно про нас. Хотя действительно у нас были ребята, которые уделяли этому очень большое внимание, очень любили эту игру. Например, на одном из семинаров один парень, Шура его звали, нам целую лекцию прочитал о конспирации. Единственный раз в своей жизни я слушал лекцию о конспирации: о том, как разрабатывать городские маршруты для ухода от «хвоста», как шифровать телефоны и так далее.

Записывать в зашифрованном виде?

Да. Разрабатывать какой-то код в голове, плюс-минус цифры. Некоторые целые записные книжки переписывали. Я к математике неспособный, поэтому даже и не пытался это делать. Да, с одной стороны – это была, конечно, игра, но с другой стороны, и следили всерьез, и сажали всерьез.

Значит, вы знали, что за вами уже идет наблюдение?

Да. К тому времени, в 1977-м году, за нами уже достаточно плотно смотрели, при том, что все мы страдали словонедержанием – все обсуждалось вслух. И чекисты прекрасно знали, что мы собираемся делать журнал «Община» и уже его готовим, что мы поехали в Смоленск, чтобы там его печатать, а не в Москве, где нас могут накрыть. Впрочем, в Смоленске так же легко журнал арестовали. Тираж был семь экземпляров, и его целиком забрали, да и вообще из дома вывели весь самиздат, кроме «Ракового корпуса», который Саша Огородников во время многочасового обыска не выпускал из рук, и книги И. Шафаревича «Социализм» – смоленским чекистам не пришло в голову, что книга с таким названием может быть антисоветской.

Вы о втором номере «Общины» говорите?

Да, о втором. Это был настоящий номер, толстый. Всего было три номера: первый, который исчез навсегда, и мы его даже не восстанавливали. Затем второй номер, арестованный в Смоленске. А когда Сашу посадили, Володя Пореш издал в Ленинграде третий

номер «Общины». Я в это время уже был отправлен в Туркестанский военный округ строить Тюямуюнскую гидроэлектростанцию на Амударье и того номера никогда не видел. Впрочем, его почти никто не видел, потому что он также был арестован. И если второй номер нам удалось восстановить, то третий так и лежит в архиве КГБ. Так что из трех номеров известность получил только второй. Когда его арестовали, мы, конечно, сразу попытались восстановить его по памяти, и потом где-то, у кого-то какие-то материалы были по городам разбросаны, в основном в Питере и Москве. И нам удалось его собрать и даже переснять на фото пленку. Потом эти пленки попали на Запад, где их частично напечатала Таня Горичева, для нас это было, естественно, большой поддержкой.

После журнала терпение ГБ кончилось, и всех стали разбрасывать. Первым исчез я, по простой причине: меня исключили из института и отправили в армию. Собственно, армия меня и спасла от посадки, потому что, когда я демобилизовался, арестованы были уже абсолютно все: моя мама – Щипкова Татьяна Николаевна, Александр Огородников, Владимир Пореш, Володя Бурцев, Сережа Ермолаев, Витя Папков, Лев Регельсон.

Что удивительно – мы никогда не критиковали Церковь. Не знаю почему, но нас это не интересовало, у нас практически никогда не было разговоров, скажем, о каких-то священниках, сотрудничающих с КГБ, хотя мы, конечно, знали об этом или, скажем, не могли не догадываться. Позже, в перестройку эта тема была в моде, а для нас это как бы не существовало, т. е. это никогда не было главным. Мы Церковь воспринимали как Церковь. Сейчас много пишут о том, что Церковь была пронизана КГБ и сейчас, возможно, пронизана, и это ставится чуть ли не в центральное место... Я понимаю необходимость покаяния и весь этот клубок вопросов, он действительно сложен, и его надо как-то решать, но в ту пору для нас этого просто не существовало. Из моего рассказа может сложиться впечатление, что религиозная составляющая была где-то на втором плане, что очень много было политики, но на самом деле это было не так. Религиозная составляющая была очень сильна, и даже обостренный характер носила. Было чувство очень личного общения с Богом, Божьего присутствия, мы все время ощущали себя водимыми и в минуты опасности вызывали на помощь Небесные Силы, как такси.

Это благодаря тому, что вы общались, или это происходило у каждого отдельно?

И у каждого отдельно, и думаю, что наша совместная попытка общинной жизни этому очень способствовала. Надо сказать, собираясь вместе, мы много молились. Правила вычитывали железно, без сокращений – все по очереди. Молитвослов шел по рукам, т. е. каждый принимал участие в молитве – не просто слушал, но и какой-то кусок читал. И это при том, что многие из нас практически только учились читать по-славянски. Язык еще заплетался, было сложно. Так что это очень сильное было чувство. И оно было православным, а не каким-то харизматическим или протестантским. Для нас очень важен был порядок церковной жизни, посты мы соблюдали или старались соблюдать. Т. е. мы и внешнюю форму впитывали. И всякие чудеса – ну, такие маленькие чудеса – с нами часто происходили. Идешь на пасхальное богослужение (а молодежь ведь не пускают, специальный комсомольский патруль, сами, отец Александр, помните), молишься,ходишь. «Куда идешь? – На службу. Мне можно. – Можно? Проходи». И все. Открываются двери, и тебя пропускают.

Помню, стою на том же пасхальном богослужении (а ведь вообще мужчин в храме мало было, а молодых ребят – и вовсе почти никого). Сейчас будет крестный ход. Ко мне быстренько так подходит дьякон: «Зайди в алтарь». Я захожу. Стихарь кладут на руки, владыка Феодосий, нынешний Омский, быстро благословляет, меня мгновенно облачают, дают какую-то хоругвь – ну, некому нести. У меня первая мысль: все! Сейчас я выйду и пойду вокруг храма, а завтра вылетаю из института. Но все проходит абсолютно незамеченным, хотя я на виду – прожектора, свечи. Это дома, в Смоленске было. Вот такие наши маленькие чудеса, которые тогда воспринимались как очень большие. А может быть, это и было большим чудом, хотя сейчас вспоминается с некоторой иронией.

Для каждого из нас, для нашей будущей жизни это был колоссальный опыт, и заслуга Огородникова здесь очевидна, хоть сейчас она как бы приуменьшена...

Был еще один период семинара – финальный, в 79-80-м годах, который для меня остался загадочным, потому что это было уже без меня. Это был период, который я условно, если когда-то буду «копать» и писать, назову периодом Льва Регельсона. Регельсона пригласил Огородников еще при мне, это было уже прямо перед изданием журнала, но я с ним общался мало. Он нам начал читать лекции, но я присутствовал только на одной. Он читал что-то по Ветхому Завету, какие-то невнятные магнитофонные копии сохранились в моем архиве, но, как известно, сапожник ходит босым, а у меня, редактора религиозных радиопрограмм, нет времени сесть за их расшифровку. Никто, судя по всему, не понимал, что делает Регельсон, но теперь, задним числом, мне кажется, что он подобрал себе уже готовую общину и уже готовую аудиторию для распространения каких-то своих идей. Мы его знали только как автора «Трагедии Русской Церкви», как героя, который написал блестящее письмо в защиту Солженицына. Регельсон был человеком невероятного, обволакивающего обаяния. Огородников сидел в тюрьме, и Лев фактически возглавлял Семинар того периода. Он своих целей явно не открывал, но сейчас в том, что он еретик, для меня никаких сомнений нет... В начале 90-х я пытался беседовать с ним на эту тему, но он уклонился от разговора. Возможно, он не хочет публично обсуждать свои идеи, возможно, ему мешает имидж «предателя», ведь из нашего окружения он был единственным, кто покаялся, не выдержал давления следствия. Все остальные вели себя чрезвычайно достойно. Это подтвердил мне Огородников, который, как «паровоз», имел возможность познакомиться со всеми протоколами наших допросов.

Мне очень трудно говорить о «регельсоновском периоде» Семинара, но он меня чрезвычайно интересует, поскольку, изучая современную религиозную жизнь России, я знаю, что все основные современные религиозные идеи и мифологемы возникли отнюдь не в перестройку, а задолго до нее. Регельсон, так же как и Якунин, и Эшлиман, и Капитанчук, принадлежал к кругу учеников ныне покойного Феликса Карелина и был во многом носителем его идей. Скажем, идея канонизации новомучеников принадлежит Феликсу Карелину, идея об экуменической ереси («никодимовщине») в РПЦ принадлежит Феликсу Карелину, идея о необходимости спасти Россию через воцерковление КПСС принадлежит Феликсу Карелину, и многие другие идеи, разобранные впоследствии как консерваторами, так и либералами. Именно Карелин вдохновил Якунина и Эшлимана написать знаменитое письмо в защиту церкви, вдохновил Регельсона писать «Трагедию Русской Церкви». Вместе с Карелиным Регельсон, Капитанчук и о. Николай Гайнов подписали письмо (не письмо, а трактат на 100 машинописных страниц!) Поместному Собору 1971 года, в котором критически анализировали «никодимовщину» в РПЦ. Странно, что и карелинские ученики, и сторонние историки умалчивают о Феликсе Карелине, хотя очевидно, что в качестве генератора идей он оказал на развитие Русской Церкви колоссальное влияние, превосходящее влияние таких крупных фигур, как о. Александр Мень, Анатолий Краснов-Левитин, Александр Солженицын...

Возвратимся к нашему семинару. У Регельсона существовал набор идей, среди которых присутствовали эсхатологические мотивы. Лев, судя по всему, считал, что спастись можно только в определенном географическом месте. Его «Дивеевом» была Абхазия. Он дружил с Гамсахурдией и часто бывал в Грузии. Еще в 60-е они с Якуниным ездили причащаться в Грузию, считая безблагодатной Евхаристию в Московской Патриархии. Лев хотел создать на Новом Афоне некое поселение и выбрал наш Семинар в качестве готовой общины. Летом 79-го или 80-го года Семинар с Регельсоном даже выезжал в Абхазию на «летний отдых». Но опыт оказался неудачным. Перессорились. После публичного покаяния на суде и освобождения с Лубянки Регельсон приезжал к нам с Любой в Смоленск и долго уговаривал уехать жить в Абхазию. Он хотел купить там несколько домов и поселиться навсегда. Помню, меня

поразило обилие специфической лексики – астрал, тонкий план, знаки зодиака... Мы с женой отказались от экстравагантных предложений. Но Лев все-таки не оставил Абхазию, и во время войны с Грузией я встречал его статьи и репортажи в защиту Абхазии. А недавно друзья из Грузии прислали мне маленькую абхазскую газетку, в которой Регельсон рассказывает о том, что Адам был сотворен именно на территории Абхазии, а народные верования абхазов сохранили некие элементы «перворелигии». Понять что-либо из этой газеты невозможно, но там сказано, что Лев написал целую книгу о духовности абхазцев. Не могу ее найти.

Так что Семинар подстерегали две опасности: риск чрезмерной политизации и позже – риск сдвига в оккультную сторону. Разгром Семинара носил промыслительный характер. Я не боюсь говорить об этом вслух, потому что это правда и это уже история. История духовных исканий нашего поколения. Слава Богу, практически все остались в Церкви, обзавелись большими семьями, работают. Из Семинара вышли замечательные священники – отец Виктор Савик, отец Николай Епишев, отец Борис Развеев, отец Виктор Райш.

Что же дал вам всем семинар?

Характерная черта нашего семинара в том, что он не был элитным. Многие религиозные группы от страха и вынужденной конспирации становились элитными, закрытыми. О их существовании знали только они сами и КГБ. А у нас в Семинаре, благодаря Сашкиной широте, собиралась вся Россия, та Россия, которую называют провинциальной. Наш лозунг был прост: христианство, свобода, антикоммунизм. Семинар был для нас формой самообразования, формой общинной жизни, формой воцерковления, формой противостояния системе. А главное, что дал нам Семинар – опыт христианской любви, который невозможно пережить вне церковной общины.

Православная провинция. Петрозаводск

Статья написана в апреле 1994 г. По русски публикуется впервые. Опубликовано: Religion, State and Society – England – Oxford – 1997, vol. 25, 2

В конце прошлого века на левом берегу Ладожского озера, в карельском городе Сортавала скромный священник Сергей Окулов организовал православное братство во имя преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. Главной заботой братства была помощь православным финнам, не владевшим ни русским, ни церковно-славянским языками. В те времена православной литературы на финском языке не существовало, и редко кто из православного духовенства говорил по-фински.

Братство занималось переводами богослужебных текстов и издавало журнал «Заря», в котором на финском языке печатались статьи на богословские и нравственные темы. Плавное течение просветительской работы прерывалось то одной революцией, то другой. Прошло сто лет.

Республика Карелия со столицей в городе Петрозаводске расположена севернее Петербурга, вокруг громадных судоходных озер – Ладожского и Онежского. Помимо русских здесь проживают карелы, вепсы и финны-ингерманландцы. Пограничное расположение Карелии, переходившей на протяжении истории то к шведам, то к русским, предопределило современную религиозную ситуацию. Для того чтобы верно истолковать взаимодействие религиозных течений и представить перспективу их возможного развития, следует описать конфессии, существующие на территории республики. Пожалуй, я начну с представления главы Петрозаводской епархии – епископа Петрозаводского и Олонецкого Мануила (Павлова).

Владыка Мануил начинал свою церковную карьеру в Ленинграде еще в 70-е годы, когда кафедру занимал митрополит Никодим (Ротов). В конце 70-х будущий епископ стажировался в экуменическом институте в Женеве, затем защитил диссертацию, затем преподавал в Ленинградской духовной академии, затем возглавил ее и был ректором в течение нескольких лет.

Будучи рукоположенным в 90-м году на Петрозаводскую кафедру, епископ Мануил получил абсолютно разоренное хозяйство – всего пять приходов на 170 тысяч квадратных карельских километров. К 1994 году он увеличил число приходов до 30-ти. В принципе это совсем немного. В среднем каждая русская православная епархия сегодня насчитывает до ста приходов. Такое отставание в темпах религиозного возрождения имеет свои причины и характерно не только для православия, но и для всех других конфессий. Религиозные процессы идут в Карелии медленнее по сравнению с центральной Россией. Объясняется подобное отставание тем, что после установления советской власти Карелия наряду с Белоруссией была объявлена экспериментальной зоной по искоренению религии из народного сознания. Уничтожение очагов веры проводилось здесь особенно тщательно и педантично. Последний православный храм в Петрозаводске был спешно закрыт властями летом 1941 года, очевидно, других проблем во время войны у карельских большевиков не было. В сороковые годы главные партийные посты в Карелии занимал Юрий Андропов. Он зорко следил за тем, чтобы жители Карелии пребывали в атеистическом состоянии. До сих пор одна из центральных улиц Петрозаводска носит его имя.

После ликвидации Совета по делам религий отношения между епископом Мануилом и местной властью складываются по принципу прямых связей. Епископ активно выступает в средствах массовой информации, и пользуясь авторитетом, заставляет чиновников считаться с собой. Власти Карелии способствуют восстановлению разрушенных храмов, выделяя средства из государственного бюджета. В 1994 году усердием епископа Мануила завершился первый этап восстановления кафедрального собора, освященного в честь благоверного князя

Александра Невского. Сам Мануил не пытается вмешиваться в республиканскую политику и подчеркивает политический нейтралитет церкви. Будучи избранным в 90-м году депутатом Карельского Верховного Совета, он через два года работы добровольно сложил с себя депутатские полномочия и заявил, что на личном опыте убедился в невозможности сочетать пастырские обязанности с политической деятельностью. Надо заметить, что это событие произошло задолго до известного постановления Священного Синода, запретившего духовенству баллотироваться на выборные государственные должности.

Положение православной епархии осложняется здесь, как и в других автономных краях и республиках, национальным пробуждением местных народов, которые находятся на распутье в вопросе религиозного выбора. Если финны-ингерманландцы традиционно сохраняют лютеранство и открыто не претендуют на расширение своей религиозной деятельности, то с карелами и вепсами дела обстоят сложнее.

Традиционно принято считать эти народы православно ориентированными, но фактически они, как и прочее население, религиозно индифферентны и открыты двум основным веяниям: лютеранству и православию. Лидеры национальных партий и движений подыскивают необходимое религиозное обрамление для будущего национального развития. Понятно, что рассматривать в этом ключе нетрадиционные или сектантские религиозные течения серьезные руководители не станут. Лидеры вепских общественных организаций склоняются к традиционному православию. Они умеренны в своих политических требованиях и планируют жить в тесном союзе с русскими и Россией. Насколько мне известно, уже организована национальная вепская область на территории республики.

Некоторые лидеры национального карельского движения настроены более радикально. Внутри Карельского Конгресса, общественно-политического объединения карелов, в качестве возможного политического варианта обсуждается соединение с Финляндией.

Ориентируясь на тех политических деятелей в Финляндии, которые пропагандируют идеи расширения панфинского влияния, некоторые лидеры Карельского Конгресса не прочь поддержать официальное финское лютеранство. Можно предположить, что они будут способствовать распространению лютеранства среди карелов. Так, например, первый в истории этого народа перевод Евангелия на карельский язык осуществляется лютеранским Хельсинкским институтом перевода Библии. Характерно, что финны сохраняют авторское право на этот перевод и в дальнейшем смогут влиять на тираж и его распространение. Рано или поздно эта ситуация может привести к конфликту с православной епархией, перед которой с годами неизбежно встанет вопрос о частичном введении карельского языка в православное богослужение.

Однако распространению лютеранства среди карелов, самого многочисленного из местных финно-угорских народов, препятствуют два существенных фактора. К первому относятся остатки местных языческих верований, которые сохранились в карельских деревнях в виде традиций и суеверий. Сегодня нельзя говорить о существовании карельского язычества, но опыт исследований, проведенных в республиках с развитым язычеством, например в Чувашии и Мари Эл, показывает, что национальное язычество может возникнуть в ближайшие год-два и вплестись в национальное движение.

В пользу этого прогноза говорит тот факт, что силами национальной профессуры уже сегодня проделана огромная работа по изучению народных верований. Они систематизированы, описаны, изучены и, можно сказать, – частично реконструированы. Более того, один из виднейших карельских этнографов – Юго Сурхаско, написавший о карельском язычестве десяток книг, изложил мне цельную философскую концепцию, согласно которой возродить нацию невозможно без возрождения семьи, построенной на религиозном поклонении предкам.

Помимо язычества распространению лютеранства в Карелии препятствуют Финляндская Православная Церковь (ФПЦ), состоящая не из финнов, как полагают многие, а из карелов, перешедших на финский язык богослужения, но сохранивших национальное чувство. Фин-

ляндская православная церковь возникла на базе тех приходов, что оказались на территории Финляндии после отделения ее от России. Эта церковь канонически подчиняется Константинопольскому патриарху. В Финляндии православие признается второй после лютеранства государственной религией и финансируется государством. Если судить по последним статистическим данным, Финляндская Православная Церковь после периода застоя медленно начала увеличивать численность и завоевывать новые территории. Сегодня число православных финнов равняется 57 000 человек, что составляет 1,2 % всего населения Финляндии. В 1994 году в православие перешло более тысячи человек. Всего в Финляндии насчитывается 50 храмов, 100 часовен и два монастыря – мужской и женский.

Предстоятель Финляндской церкви архиепископ Иоанн (Ринне) носит титул архиепископа Карельского и всей Финляндии. По этой причине епископ Мануил носил до 1996 года титул «Петрозаводский и Олонецкий»³.

ФПЦ считает, что законная сфера ее влияния распространяется на всех карелов и на всю Карелию, и потому ведет наравне с протестантскими миссиями свою собственную проповедь. Мы наблюдаем уникальный случай православного «прозелитизма» в православной епархии. Ситуация отдаленно напоминает деятельность РПЦЗ на территории России и теоретически может завершиться конфликтом, который помимо религиозного может приобрести и политическое звучание. С этой точки зрения роль местного правящего епископа увеличивается до серьезных политических размеров.

Православные финские священники приезжают из Финляндии в Карелию и крестят здесь своих обрусевших братьев. При этом крещение и другие таинства совершаются по-фински с синхронным переводом на современный русский язык. Легко представить, какое ужасное качество имеет этот перевод, но тем не менее, пока московская и петербургская церковная интеллектуальная элита спорит до хрипоты о целесообразности русификации славянского богослужения – финские православные миссионеры совершают это на практике.

Надо отдать должное мудрости епископа Мануила. Он, хотя и не обучался у иезуитов, совершил фантастический по остроумию канонический пируэт и сумел на время законсервировать зреющий конфликт. Испросив благословения у патриарха Алексия, он отправился с дружеским визитом в Финляндию и преподнес архиепископу Иоанну антиминс, на котором начертал свою подпись, и попросил, чтобы впредь, все самостоятельно приезжающие в Россию финские священники служили исключительно на этом антиминсе.

Для читателей, незнакомых с православной литургической практикой, поясним, что антиминсом называют плат, в который вшита частица мощей и на котором только и возможно совершение православной литургии.

Соблюдая это условие, финские священники автоматически оказываются «прикомандированными» к Петрозаводской епархии и служат, не нарушая канонических требований. Плюс к этому епископ Мануил попросил их выдавать справки о крещении только на русском языке. Так Петрозаводский владыка если и не решил полностью проблему конкуренции с Финляндской Православной Церковью, то по крайней мере поставил ее деятельность под свой контроль.

³ В начале 1996 года разразился скандал вокруг православных приходов Эстонии, часть которых перешла в юрисдикцию Константинопольского патриарха. В тот момент Финская Православная Церковь поддержала эти приходы, чем вызвала раздражение Московской Патриархии. В июле 1996 года решением Синода титулатура епископа Мануила была изменена на епископа «Петрозаводского и Карельского».

Языческое гнездо в пушкинском доме

1994, апрель. Статья публикуется впервые

Эту реплику мы адресуем матушке Анне Федоровне Некрыловой, научному сотруднику Пушкинского Дома, поведавшей честному люду в статье «Возвращение к себе – через праздник и покаяние» (газета «Смена» 12.04.1994) о своем понимании покаяния и духовного очищения при помощи пьянки, непристойностей и некоторого даже «осатанения». В своей статье Анна Федоровна подробно и вкусно описала, как праздновали наши досточтимые предки масленицу, как они лакомились тещиными блинами, выпивали и закусывали, как устраивали кулачные бои «до первых красных соплей», как жгли чучела и катались на санях с гор.

Фейерверк этнографических подробностей рассыпался на треть полосы, зачаровывая читателя и незаметно обволакивая простодушного фантастическими теологуменами о посте, покаянии и Прощеном воскресении. Ах, забыла Анна Федоровна предупреждения святых отцов, советовавших женам остерегаться богословствований и учительства!

Пишет дерзновенно жена сия, что масленица «давала право на безрассудство, безудержное гуляние и обжорство, даже на некоторое осатанение», что только за буйством плоти воследует апофеоз духа, что без лихого праздника не обрести «желанной внутренней свободы», что масленичный разгул и есть очищение и покаяние.

Рассказать бы вам, Анна Федоровна, всю правду о диких обычаях народных, о древних обрядовых действиях, о свальном грехе и «масленичных детях», рождавшихся опосля, а «философию этого праздника» ограничить объяснением смысла карнавальной культуры и цитатами из Бахтина. Право же, славно бы получилось, по-научному, и не взяли бы вы перед Великим Постом на себя греха тем, что «ввели во искушение» неискушенного читателя, перемешав язычество с христианством и исказив смысл духовного очищения в покаянии.

Согласно вашему толкованию масленичной недели, которая непосредственно предшествует посту, человек в буйстве грубого земляного раскрепощения самопроизвольно исторгает из себя в хмельном эмоциональном выплеске «тот самый грех», наподобие самопроизвольного исторжения скверны из орущего пьяного мужика. Затем похмельный, «очищенный» таким способом от греха мужик готовится к Пасхе и к началу весенних полевых работ, которые, как вы пишете, «надо было встретить чистым, облагороженным... а не с переполненным брюхом».

Матушка Анна Федоровна, Воскресение Христово – это не полевые работы, а пост существует вовсе не для очищения мужикова брюха к посевной. Совсем иначе призывает Церковь избавляться от греха – покаянием и сокрушением. А в помощь кающимся даны Христом две вещи – перечитайте шестую главу Евангелия от Матфея, – пост и прощение. Постом христианин добровольно показывает сатане лъстивому, что дух человеческий сильнее воли плоти. Прощая же согрешения своим близким, мы чаем себе Божественного прощения.

Описываемая Вами масляная неделя в Православной Церкви называется мясопустной, то есть в это время возбраняется есть мясо. Вступает в силу частичный пост. В богослужениях появляются великопостные особенности, звучит молитва Ефрема Сирина. Вся эта неделя – усиленная подготовка к посту, и завершается она не пьянкой, а Прощеным воскресением, умиленным богослужением, во время которого падает на колени весь православный люд и его священство и просят друг у друга прощения, проламывая стену мучительного греха и вступая в долгий постный путь, ведущий к Светлому Христову Воскресению.

Никогда православие не имело отношения к жуткому весеннему беснованию язычества, богословию которого Вы так чутко сопереживаете и остатки которого так поэтично описы-

ваете. Нет уж, матушка, давайте снимем христианское седло с осатанелой языческой коровы и не будем смущать в посту братьев наших.

Православный рок

Опубликовано: СПб. Газета «Смена», 13 января 1995 г.

«Галактическая федерация» – так называется музыкальная рок-группа, которая играет «православный рок» и рассматривает свою работу и свое творчество как христианскую проповедь.

Помню, с большим трудом церковь принимала песни псковского монаха, построенные на синтезе авторской песни и церковного пения. Сегодня творчество иеромонаха Романа (Матюшина) признано и «канонизировано». Мелодии Визбора, темы Высоцкого в сочетании с канонами Андрея Критского уже никого не шокируют. Никто не возмущается любовной лирикой (а без нее не бывает поэта!), вышедшей из-под пера монаха. Талант преодолевает все препятствия. Но если тихий монашеский голос несколько лет подряд вызывал споры, то можно представить, насколько трудно православным принять сплав церковной культуры с культурой рок-н-ролла.

Носители рок-культуры вместе со всеми осваивают православие и привносят в него нечто совершенно неожиданное. Это пугает, заставляет прибегать к гиперболам и искать «сатанизм» в музыке неуправляемых неофитов. Болезненный анархизм «системщиков» из рок-клубов невероятным образом переплетается с православным юношеским максимализмом. Он сродни монашескому аскетизму, не терпящему теплостыдности. Половина Галактической федерации «сидит на четках». Если перевести с арго – стремится приблизить личное молитвенное правило к суровым монашеским образцам. Среди православных фенечек видел я на музыкантах и настоящие вериги...

Веселые ребята, открытые и приветливые. Приезжайте в Питер, найдите старенький дом культуры поселка Левашово и в холодном зале встретите членов (музыкантов и немусыкантов) Музыкального православного центра, которых собрал вокруг себя его бесспорный духовный и музыкальный лидер – Анатолий Вишняков. Музыкальный центр – не что иное, как православная религиозная община.

Музыканты не горазды говорить – их дело «музыку играть». Но поскольку мне хочется, чтобы читатель максимально точно почувствовал новое явление при невозможности услышать сами песни, я решил остановиться на жанре интервью и дать слово автору всех песен «Галактической федерации».

– Анатолий, что такое «православный рок»?

– Форма проповеди. Проповедь православия через музыку, исполняемую в стиле рок. Рок – это современный язык общения молодежи. Апостол Павел сказал: если я говорю на чужом языке и меня никто не понимает, какой смысл от моей проповеди? Я выбрал свою форму общения – рок. Собственно, каждый музыкант – проповедник. Вопрос заключается в том, что он проповедует. Мы проповедуем православие.

– Как ты стал музыкантом?

– Так же, как и все мое поколение. В беззаконии был зачат и во грехе рожден. Мы жили на Сахалине, на берегу моря. Я пел с детства. Закончил училище при консерватории. Работал в филармониях, кабаках. Пел о любви и природе. Ничего не получалось. Меня учили: пиши злее, пиши злее. Я писал злее и потом пил. Уже будучи профессиональным музыкантом, в зрелом возрасте я повстречал схимонаха, который и ввел меня в православную церковь. Это был настоящий старец, мощный проповедник, жил на юге России, его многие знали...

Бог просветил меня, и я полностью изменил жизнь, мое творчество наполнилось смыслом. Мы даже не стали менять название группы. Просто «Галактическая федерация» оставила прошлое навсегда и начала славить Бога и проповедовать православие.

– *Славить грохотом динамиков под ор стадионов?*

– Ты, чем язвить, – открой псалтырь на сто пятидесятом псалме. Что Давид говорит? Хвалите Бога, со звуком трубным, на струнах и органе, с тимпаном и на кимвалах громогласных! Тимпан – что такое? Это барабан, по которому бьешь, и его слышно за километры, а кимвалы – это медные тарелки. То есть «громогласная» ударная установка, глас которой подобен грому. Вот как можно хвалить Бога! Хотя в посту мы только акустику играем, очень-то не шумим. По словам апостола Павла, чтобы привести язычников к вере, нужно стать подобным язычнику, то есть идти к ним и говорить на их языке. Попробуйте сегодня прийти на стадион с гусями – никто слушать не будет. Молодежь с детства привыкла к музыке *андеграунда*, но то, что сегодня играет в роке, – действительно чаще всего уходит под землю. В звуке тоже есть земное притяжение. И его нужно вырвать из земли. А рок-музыканты по большей части заколачивают звук, и этим он страшен.

Ты встаешь утром и вместо того, чтобы лоб перекрестить, врубаешь магнитофон. И это сумасшествие длится целый день, вколачивая тебя в подземелье. Девяносто процентов этих ребят никогда не зайдут в храм. К ним нужно идти самим, но священники не идут. Они загружены требами, службами, ремонтом куполов. Я не знаю причины, я не разобрался, потому что я не судья, а музыкант. Я хочу петь о Боге, я умею это делать, и я должен это делать. Мы выходим на эстраду, где никто не говорит о Боге, а если и говорит, то в извращенной форме. Мы играем на хорошем уровне, и никогда зал не остается равнодушным. Дело не в том, что мы крутые музыканты, у нас нет супервиртуозов, но мы объединены верой. Мы складываемся в единый инструмент, и возникает полет, во время которого мы отрываем звук от земли, извлекаем его наверх. Зал летит вместе с нами, и слушатели, хотя бы они этого или нет, хвалят Бога вместе с нами. Небо ликует.

– *Когда говорят, что рок-музыка – это порождение сатаны, то имеют в виду в первую очередь ритм, который вводит человека в состояние экстаза.*

– И музыка, и ритм даны нам Богом как инструмент общения. Вопрос в том, как мы этим инструментом пользуемся, кому служим. Рок – это качели, раскрученные до колеса. Вода в природе тоже движется в определенном ритме – то прилив, то отлив. Это и есть наша качель. Но всему должна быть мера. Можно волну раскачать так, что всех стошнит. Так же и ритм. Если ты даешь его в дозволенных мерах, то людям хорошо. Они понимают, что ты хочешь сказать. Если же ты работаешь под иглой, наркотой или от злости, то нет сомнения – пользуешься сатанинским методом. Святой Феофан Затворник говорил: если *поешь* о Боге, то это самая крутая проповедь. Я Феофану Затворнику верю.

Чтобы проповедовать, рок-музыкант сам должен пройти крутой православный путь, и тогда он будет крутым проповедником. Я впервые почувствовал всю энергию музыкальной проповеди, когда вышел на десятитысячный стадион. Вот твой выход, публика начинает реветь, впечатление такое, что на тебя направлено 150 прожекторов и тебя жгут и палят. Энергия немислимая, без благодати Божией управлять ею невозможно, невозможно без чистоты в сердце ее отфильтровать и вернуть залу. Многие великие музыканты не выдерживали этот энергетический обмен, скатывались и спивались.

Ты говоришь: рок называют сатанизмом. Так все что угодно можно назвать сатанизмом, включая нынешнее политическое реформаторство. Все должно быть в меру, как в православии. Можно ли назвать нашу музыку сатанинской, если она приводит в церковь бывших панков, наркоманов и проституток? Из двенадцати апостолов один оказался предателем, из этого не следует, что все они предатели. Среди рок-музыкантов есть те, кто работает сатане. Из этого не следует, что все рок-музыканты – сатанисты.

– *Я часто встречаю тебя и всю команду «Галактической федерации» то в Казанском соборе, то в Николе Морском. Как духовенство относится к вашей деятельности?*

– Каждый священник волен иметь свое собственное мнение, мы же должны делать свое дело. Получали мы тычки, получали и благословения. По-разному бывало. Знаю только, что многие бати слушают наши записи. Значит, любят. Кроме того, в отличие от других конфессий, мы свою музыку в храм не вносим. Мы в храм молиться ходим, а не бренчать на гитарах. Всему свое место. Из наших ребят многие в церковных хорах поют.

Все мы стремимся к максимальной церковной дисциплине: посту, молитве, соблюдению заповедей. Ясное дело, сходу не получается. Когда становишься христианином враз начинаются искушения. Бороться приходится постепенно, поочередно, шаг за шагом, отказываясь от вина, от курева... Широко шагать нельзя – штаны порвешь. Сломаешься. Тут требуется разумная постепенность и помощь духовника. Все это помогает нам играть наш православный рок. Приходите послушать, денег-то за вход мы не берем.

Или правда, или ничего

(Воспоминания о митрополите Иоанне Снычеве)

Опубликовано: «Независимая газета» (приложение «Религии»), 23 января 1998 г.

– Ты в этом годе купалси?

– Не-е, владыченька, не купался.

– И я не... вот велел у себя в Петербурге, в резиденции купальню вырыть.

(Из разговора двух владык)

В 95-ом, в год кончины митрополита Иоанна Снычева, я работал редактором программ о религии на Петербургском радио. Хоронили владыку в воскресный день. Хоронили спешно, бестолково, на ходу доделывая могилу. Как-то трусовато, без достоинства, суетясь вокруг гроба. Вечером у меня плановая еженедельная программа. Вернулся с похорон с нехорошим чувством. Мое демократическое начальство тоже отчего-то суетится, намекает: покойный хоть и мракобес, хоть и Ельцина бранил, но вы уж будьте добры, подберите выражения согласно моменту – попостней. Решил так: минимум слов, максимум классической музыки.

После эфира, поздно ночью приезжаю с развозкой домой. Звонок. В трубке знакомый голос Виктора Антонова, одного из питерских ревнителей православия. Как не стыдно! Ведь ты с ним лично встречался! Небось и записи сохранил! Почему ничего не рассказал?! Владыка! Столп православия! И ни слова! Ага, понятно – *aut bene, aut nihil!*.. И раздраженные короткие гудки. Скучно общаться с просветленными ревнителями. Впрочем, с просветленными реформаторами – тоже скучно.

Aut bene...

Это *bene*, между прочим, предполагает ложь. Мне по душе иная пословица, которую вспоминают реже. *De mortuis aut veritas, aut nihil*. В день похорон я предпочел *nihil*.

А тут Максима Шевченко перед нынешним Рождеством встречаю в питерском Доме журналиста. Спрашивает: а правда ли, что Константин Душенов признался, что за митрополита книги писал? А правда ли, что митрополит с тобой всегда наедине встречался? А правда ли...

Насчет того, кто за кого что писал, нужно у самого Душенова спрашивать. А встречами *наедине* с митрополитом Иоанном никого не удивишь. Ведь тогда не то что ныне. Все попросту. Без церемоний. Снимаешь вечером трубку, набираешь известный всему городу домашний номер: добрый вечер, благословите владыка, хотел бы поговорить, Бог благословит, заходи, Саша, завтра в резиденцию. Каждый так мог.

Митрополит Иоанн очень любил слово «резиденция». Действительно приличный особняк, по советским временам – в элитном месте, на Каменном острове. Строили еще до Иоанна. И убранство, и интерьер – все-все делалось под других владык. Вкус и значительность. Случится принимать парижского кардинала – так у нас не хуже, чем у людей.

С владыкой мы действительно встречались несколько раз. Он благоволил всем, кто слагал на листе буквы, и я взял за правило раз в полгода приходить в резиденцию. Совсем ненадолго. От силы на часок. И всего только раз напечатал небольшое интервью. Не затем ходил. Где епископ – там и Церковь. Хочешь что-то в Церкви понять – не ленись с епископами общаться.

А с тем единственным интервью, помещенным в питерской газете «Смена», произошел забавный случай. В ближайшее после его публикации воскресенье после службы я задержался в храме на Гутуевском острове, где пела моя жена. Начались занятия воскресной школы для взрослых. Слышу мужской голос к священнику: отец Александр, что же это делается? Тут один корреспондент такую ересь в уста владыки нашего вложил, какую тот никогда и сказать не мог. Что хотят, то и творят, нехристи!

Не знал парень, что владыка к писаному слову трепетно относился и в бумагах порядок любил. Один монах рассказывал: подаю прошение владыке и подписываю «смиренный» послушник и проч. Владыка Иоанн держит прошение и вздыхает: чему тебя в семинарии учили? Иди переписывай. «Смиренный» – это я. А ты – «нижайший».

Интервью же то владыка тщательно перечитал, проверил, кой-какие изменения сделал и подпись оставил. Храню, понятное дело, на память. А «ересь» я процитирую.

«Смена». 2 ноября 1994 года.

Сегодня многие православные считают, что Православная Церковь нуждается в целом ряде реформ, которые бы сделали ее более понятной народу. Чаще всего речь идет о богослужебном языке и долготе церковных служб.

Слово «реформы» для Церкви не подходит. Церковь не реформируется, потому что она основана самим Иисусом Христом. Иной вопрос – усвоение того, что дал нам Спаситель. Тут могут быть разные способы восприятия.

Сегодня поговаривают о переводе богослужения на русский язык. Честно говоря, для меня вопрос состоит не столько в том, чтобы перевести, сколько в том, чтобы научить людей славянскому языку. По немощи людской можно, конечно, и перевести отдельные сложные для понимания части богослужений, я бы сказал – русифицировать их. В большей степени это касается Всенощного бдения, в меньшей – Литургии.

В первую очередь можно читать по-русски Апостол и Евангелие, в котором есть трудные для восприятия места. Например, как вы поймете следующие слова – «днесь зима: черемнует бо ся дряслуя небо»? (Тут владыка хитро посмотрел на меня, не могущего перевести евангельский стих, видно было, что этот «экзамен» из любимых и повторяемых). Понять сложно, а переводится просто – «сегодня ненастье, потому что небо багрово».

А по какому принципу священник может переходить на частичную русификацию? По благословению правящего архиерея или «аще волит настоятель»?

Должна быть церковная дисциплина. Для этой цели создаются богослужебные комиссии Священного Синода, которые рассматривают этот вопрос с богословской и языковой точек зрения и выносят решение. Самочиние вообще недопустимо.

Однажды в пятидесятые годы, когда я еще был студентом Ленинградской семинарии, отъезжая на каникулы домой через Москву, я зашел помолиться в Скорбященскую церковь на Ордынке. Я был поражен тем, как совершалось богослужение. Сокращали ужасно: и стихиры, и тропари, и псалмы. Так куце служить нельзя. Такая беглость лишает молитвенного настроения.

Из православных служб самая длинная – Всенощная. Она длится два с половиной – три часа, но не обязательно стоять ее до конца, если человек не может сделать этого по немощи или иным обстоятельствам. Если не вмещает всю службу – пусть помолится немного и идет домой, это не запрещается.

Признает ли Русская Православная Церковь крещения, совершенные в иных христианских церквях?

Вопрос о признании или непризнании крещений возникает при переходе верующих в лоно Православной Церкви. Сегодня это довольно частое явление. Мы признаем даже мирское крещение, если оно совершено во имя Святой Троицы, то есть при использовании следующей формулы: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». В этом случае крещение признается и при переходе в православие дополняется таинством миропомзания. Все остальные крещения, например «во имя Иисуса» и прочее, таковыми мы не признаем.

Надо сказать, что стараниями отца Валентина Соломахи, служившего в церкви Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове (при новом начальстве он куда-то исчез), в те года

повалили в православие коренные русские баптисты, да семьями, да молодежь! Невиданное дело. А у нас на приходах их – к ногтю: перекрещивайтесь, отступники, иначе не видать вам спасения. И отрекайтесь от своих нечестивых сородичей. Натуральная трагедия. И назад ходу нет (баптисты тоже не дремали – кое-кого успели отлучить за связь с православными), и сюда не пускают. Некоторые плюнули – перекрестились. Другие к Иоанну в ноги – мол, веруем в единокрещение, не пойдем, отец наш, против совести. Он их успокоил, дал каждому руку для целования, да вот еще что порешил: велел одному из баптистов бывших готовиться к рукоположению и пасти новых овец, дабы ревнители от усердия канонического духовно их не покалечили. Встретил я того кандидата в иереи недавно на улице. Вид сокрушенный – не успел его владыка рукоположить, помер. А нынче, говорят, очередь большая, желающих много стать священниками, запись. Может, и врут бездельники про очередь, да бывшему баптисту все равно не светит. Впрочем, он не пропадет. Его Иоанн благословил ладан варить. Так он до сих пор варит. Дух от этого православного баптиста идет замечательный – на всю улицу.

Высказывался митрополит всегда предельно ясно – и по идеям, и по персоналиям. Русифицировать службу придется. Скамейки в храмах расставить для немощных (сам ногами маялся) нужно. Притомился – не требуй сокращения службы, а ступай с Богом домой, нет в том греха, достоинь другим разом. О Георгии Кочеткове: искренний, но горделивый. О Глебе Якунине: не иерей, а артист. О Руслане Хасбулатове: некоторый мусульманин получше православного будет. Об Анатолии Собчаке: ученость надмевает!

Я с интересом слушал, сравнивал его высказывания с тем, что читал в «Советской России» (случались несовпадения), и вспоминал, что в фурувском докладе Иоанн числился в третьей группе епископов, среди самых непокорных, рядом со знаменитыми Пименом Саратовским и Хризостомом Курским.

Как водится, одни владыку Иоанна бранили площадными словами, другие окружали беззастенчивой лестью. На медные трубы он слабину всегда давал. Даже поэтический конкурс в честь митрополита, еще живого, объявляли. Одна ода завершалась следующим стихом: «Добрый доктор Айболит – Иоанн митрополит!».

Конечно, посмеивались над стариком, за неученость. Прыснули, не удержались, когда он простодушно оговорился и генеалогию спутал с гинекологией. Случилось это на собрании, посвященном открытию учебного года в Епархиальном духовном училище. На этом собрании он предложил составить схему-плакат христианских церквей в историческом развитии. И карту такую через год составили – правда, не наши, а католик Виктор Алымов, присутствовавший на том собрании.

Надо сказать, что русские католики митрополита не обожали, но всегда подчеркивали, что слова словами, а на деле он их не трогает, и это лучше, чем задохнуться в объятиях официального экумениста.

Как-то по России путешествовала большая делегация католической благотворительной организации «Церковь в беде». Во главе делегации – знаменитый священник Веренфрид ваан Стратен. Побывали в Москве, церковный прием на достойном уровне, затем путешествие в старинный Новгород, затем в Петербург. Цель поездок – благотворительная помощь церкви. Этикет требует в каждой епархии испрашивать благословение на благотворительную деятельность у правящего архиерея. Посещение резиденции входило в программу.

В столовой был накрыт чай. Сервировка являла собой собор из разрозненных роскошных фарфоровых сервизов, соединенных воедино. Фарфор, очевидно, собирал еще эстет митрополит Антоний (Мельников). Разношерстная посуда была наполнена немислимо дорогими конфетами. У щипцов была повреждена пружина – сахар брали руками. Простывший чай разливали неуклюжие от застенчивости девахи, явно привезенные из Самары, в платках и передниках. Владыка сидел в креслах во главе стола. Он помешивал в чашке витой серебряной ложечкой и кивал головой, слушая отца Веренфрида, который рассказывал о благородной цели

своего путешествия и о желании получить у владыки благословение заниматься в Питере благотворительным делом. Прихлебывая чай, владыка держал ответное слово. Оно длилось около часа. Неспешно и подробно он разбирал ереси и заблуждения латинства. Никаких условностей, никакого соблюдения межцерковных приличий. В общем, урок обличительного богословия. К концу проповеди стало совершенно ясно, что митрополит законченный обскурант и гостям благословения не видать. Сладкие конфеты не могли перебить вкус неловкости. Петербургский митрополит, конечно, – князь Церкви, но и отец Веренфрид фигура в современной церковной истории не из последних. Прощаясь, Иоанн подарил каждому по памятной медальке, выпущенной еще к 1000-летию крещения Руси, и неожиданно благословил всю делегацию «делать свое дело». Прозвучало это так, будто он сказал – идите и проповедуйте! Разноязычная делегация усаживалась в автобус, шумно удивляясь непоследовательности владыки и радуясь, что удалось пообщаться с такой знаменитостью – самым черносотенным епископом в России...

В первую годовщину кончины митрополита Иоанна я надумал памятную радиопередачу сделать и пригласить близких к нему людей, из ревнителей. К этому времени новый архиерей уже успел утвердиться на кафедре и показать, что в церкви царят единомыслие и единоначалие. Кто-то из ревнителей попал на дальний и бедный приход, кто-то подобно пушкинскому Савельичу «поцеловал ручку» и сохранил местечко при епархии. Напрасно я крутил телефонный диск. Никто не отважился предаться воспоминаниям в прямом радиоэфире.

Да и то верно: изображать глас народный и кричать митрополиту Владимиру (Котлярову) «анафему» из толпы куда безопаснее.

О митрополите Иоанне писали мало, но, возможно, им заинтересуются будущие историки, и я не удивлюсь, если выяснится, что рыбалка вовсе не была его главным увлечением, а «самодержавие духа» – главной идеей его жизни. Вся его тайна, небось, – в самарской земле сокрыта. Там искать надо.⁴

⁴ См. статью «О Боге, вине и о трезвых христианах»

Православная провинция. Сыктывкар

1998, июль. Публикуется впервые.

Современная Сыктывкарская и Воркутинская епархия образована по инициативе президента Коми Республики Ю. Спиридонова, который в конце 1994 года обратился к патриарху Алексию с просьбой организовать в Коми отдельную епархию. Она была учреждена в декабре 1995 года. Первым ее епископом стал архимандрит Питирим, в миру Павел Павлович Волочков. Родился вл. Питирим в 1961 году в семье рабочих. В 1980–1982 годах служил в Советской армии. Сразу после демобилизации устроился работать в Архангельскую епархию. В 1984-м принял монашеский постриг. 1987 – иеромонах. 1994 – игумен. 1995 – архимандрит. 19.10.95 – епископская хиротония. Заочно окончил Московскую семинарию. В 1992 году на базе своего прихода в г. Печора основал женский Скоропослушнический монастырь, первой мантийной монахиней которого стала его мать – монахиня Серафима (Волочкова). С 1989 года – активный член общества «Мемориал»

Перед Сыктывкарской епархией стоит ряд проблем, которые пытаются разрешить епископ Питирим и активисты РПЦ, проживающие в Республике Коми: установление благоприятных отношений с властью, решение национального вопроса в церковном преломлении, противостояние национальному язычеству, протестантизму и старообрядчеству.

Республику возглавляет Юрий Спиридонов, опытный номенклатурный работник. После 91-го года он удачно вписался в новую политическую элиту и сохранил в республике централизованную власть. Достаточно сказать, что до 1998 года главы районных администраций не выбирались демократическим голосованием, а назначались непосредственно главой республики. В первые постперестроечные годы Спиридонов не интересовался религиозными проблемами, тем более что на территории республики не было своей епархии и православное духовенство подчинялось архангельскому епископу. В республике выделялись три наиболее яркие и популярные фигуры: игумен Трифон (Плотников), вокруг которого группировалась местная православная и неправославная интеллигенция (впоследствии – настоятель Антониево-Сийского монастыря Архангельской епархии); иеромонах Питирим (Волочков) – будущий епископ, прославившийся особенным усердием в деле возрождения монашества на Коми земле, и священник Андрей Паршуков, главный вдохновитель идеи возрождения национальной епархии коми и воцерковления народа коми на родном языке.

Именно Паршуков впервые высказал идею создания самостоятельной епархии, которая, по его замыслу, могла бы сосредоточить усилия на возрождении национального православия. Эту идею поддержала газета «Вера-Эском», духовником которой являлся игумен Трифон (Плотников). В первой половине 90-х годов эта тема широко обсуждалась в республике.

Глава республики, далекий тогда от церковных проблем, в начале 90-х поддержал не православных, а баптистов, которые, имея необычайно активного пастора, приехавшего из Украины, Павла Ивановича Кобзаря, начали строительство самого большого в России баптистского молитвенного дома. В центре города, в парке культуры и отдыха им. Мичурина республиканская администрация выделила землю под строительство этого здания, которое Кобзарь назвал «Церковь Христа Спасителя». На строительство объекта были привлечены громадные инвестиции с Запада и средства местных коммерческих организаций. Архитектурное решение было выполнено в традиционном православном стиле (проект петербургского архитектора Олега Булатова). Скромная численность сыктывкарской баптисткой общины, не превышавшей в 1998 году двухсот человек, не соответствовала политической и финансовой активности Кобзаря.

Все это вызвало негативную реакцию со стороны православных, и к середине 90-х Ю. Спиридонов переориентировался и начал активно лоббировать создание самостоятельной коми епархии. При этом он взял под контроль будущее идеологическое развитие епархии, выдвинув на пост епископа не интеллигента о. Трифона, не национально озабоченного о. Андрея, а строителя о. Питирима. Епископ Питирим как монах-строитель устраивал консервативное крыло епархии, а как антикоммунист и член общества «Мемориал» – либеральное. Спиридонов лично присутствовал в Москве на хиротонии Питирима и вскоре был награжден орденами Сергия Преподобного и Дмитрия Угличского. Строительство баптистского молитвенного дома Христа Спасителя резко затормозилось. В 1996 году в Сыктывкаре был заложен Стефановский собор и создан «Республиканский благотворительный фонд Стефана Пермского при главе республики Коми» для сбора средств. У баптистов начались неприятности: контрольные органы заинтересовались их связями с финансовыми и промышленными группами. Два раза против общины прокуратурой возбуждались уголовные дела.

Остерегаясь влияния коми в епархии, Питирим отправил в заштат о. Андрея Паршукова, чем вызвал негодование как в среде верующих коми, так и в среде коми атеистов. Особенно по этому поводу негодовала национальная политическая организация «Доръям асьнымос» («Защитим себя»), которую возглавляет Н. А. Митюшева. Питирим причислил «Защитим себя» к экстремистским организациям фашистского толка. В газете «Доръям асьнымос» ставился вопрос о передаче власти в республике представителям коми народа с сохранением для русских всех общегражданских прав, кроме права избираться на высшие руководящие посты. Эту идею высказывал крупный коми евангельский проповедник Василий Иванович Попов, скончавшийся в начале 90-х. Бывший член баптистской общины, Василий Попов в 60-е годы под влиянием немцев-лютеран, сосланных в Коми, основал национальную «Коми христианскую церковь Евангельской веры». Подпольно переводил на коми язык Библию и издал этот перевод в 1979 в Финляндии. Попов пытался ввести в церковный строй «национальные» черты: язык, народные духовные песни, облачение (носил рясу и крест). После его смерти община перешла сыновьям. Они поддерживают отношения с финскими лютеранами и американскими методистами. Считают, что Коми христианская церковь несет ответственность за все происходящее с коми народом.

Еще при жизни Василия Попова Коми христианская церковь начала сотрудничать с партией «Защитим себя», члены которой тяготели к национальному язычеству. Василий пытался христианизировать это движение и на его активности создать национальную баптистскую церковь. Василий Попов пользовался среди коми интеллигенции авторитетом не меньшим, чем кандидат богословия православный священник Андрей Паршуков, стремившийся организовать коми православное движение.

Однако коми националисты, в целом поддерживавшие и Попова, и Паршукова, пошли совсем иным, неожиданным путем. Они долго колебались между язычеством и христианством, устраивали диспуты и «круглые столы», выбирали наиболее подходящую веру для своего народа. От язычества отказались как от культуры утраченной и практически неживой и обратились к религии своих братьев угро-финнов – лютеранству. Это произошло после того, как к ним по своей инициативе приехали финский проповедник Юха Велиахо и Арво Сурво. После тридцатиминутной беседы с Арво лидер «Защитим себя» Надежда Митюшева, по ее собственному признанию приняла крещение. К 1998 году община церкви Ингрии в Сыктывкаре выросла до 100 членов. Был куплен дом и поставлен коми пастор Сергей Елфимов, родом из строгой старообрядческой семьи. В общину потянулись русские, и националистка Митюшева была вынуждена согласиться на параллельное русское богослужение. Политическое движение «Защитим себя» начало медленно трансформироваться в религиозную общину и смиряться с присутствием в ней «русского элемента».

Тактическая ошибка Питирима заключалась в том, что он, ориентируясь полностью на власть, буквально воспроизводил ее идеологические установки. Тех, кого власть считает опасным или вредным для своей политики, епископ также считает опасным и вредным для себя. Так он «прижал» о. Андрея Паршукова и ушел от контактов с коми националистами, которых «подобрала и адаптировала» Церковь Ингрии.

Последним очагом православной коми культуры в епархии остается Стефано-Прокопьевское братство, которое создал Юрий Анатольевич Екишев, человек одаренный и энергичный. Математик по образованию (кандидат математических наук), друживший с известным диссидентом математиком Револьтом Пименовым, Екишев увлекся литературой и занялся драматургией. В журнале «Континет» (1997) были опубликованы его «Миссионерские очерки». Екишев общается со столичной творческой интеллигенцией, дружит с Сергеем Юрским и Александром Сокуровым. Вместе с отцом он построил два деревянных храма, один из которых стал основой будущего монастыря. Екишев, коми по национальности, стремится внедрить богослужение на коми языке. Но если для Василия Попова национальный язык являлся почти спасительным, то Екишев рассматривает его лишь как первую ступень к воцерковлению народа.

В Коми весьма сильны староверческие поморские общины. Русские и коми староверы живут рядом, но никогда не смешиваются. Существуют здесь три староверческих «ступени»: скрытники (монашествующие), поморы (обычные староверы), мирские (сохранившие веру, чаще городские жители, отошедшие от строгих традиций). Глава староверов тридцатилетний служащий банка Иван Васильевич Сокерин учился у старообрядцев в Москве и Петербурге. Он построил молельный дом и, опасаясь возобновления гонений на староверов, зарегистрировал его на свое имя.

Общины заметно молодеют, молодые наставники модернизируются, постепенно отходя от строгих традиционных норм. В частности, вводят крещение во взрослом состоянии, мотивируя это тем, что уходящая в город молодежь к зрелому возрасту возвращается в церковь, но уже не успевает «отмолить свои грехи». Деревенские жители с трудом привыкают к молодым наставникам, поставленным московским руководством, и переживают, по выражению Сокерина, «культурно-психологический шок». Изредка к староверам переходят никониане.

Организованного язычества в республике нет, но широко распространена ностальгия по язычеству. Особенно в среде творческой интеллигенции. В селе Корткерос под Сыктывкаром существует самодеятельный театр, реконструирующий языческие обряды поклонения Зарни Ань – Золотой Богине. Руководитель фольклорного ансамбля М. Н. Бурдин создал обряд «Встреча солнца». Сыктывкарский краеведческий музей проводит выставки, посвященные язычеству. Музейщики пытаются восстановить через прикладное искусство «архетипические образы мифологии коми». Автор концепции – Ирина Котылева. Выставки имели сильный резонанс, и ортодоксальные христиане обвинили Комитет по культуре и музей в распространении язычества. Эти организации приступили к изданию журнала «Арт», в котором язычеству уделяется много внимания. Журнал оформляет коми художник Павел Микушев, исповедующий так называемый «этнофутуризм», под которым художник понимает «прочтение древнего в современной пластике». Он свободно интерпретирует коми мифологию в своем творчестве и считает это живой религиозной жизнью. Идеолог коми язычества – писатель Геннадий Юшков написал на коми языке роман «Бива» («Огниво»), в котором главный герой жрец Пам борется со Стефаном Пермским.

До революции земли коми входили в Пермскую епархию, первым епископом которой был св. Стефан Пермский, живший в XIV веке. Стефана считается просветителем коми, так как он составил азбуку коми языка и перевел на древний коми язык ряд церковных сочинений. Стефан жил на реке Вымь, в краях традиционно языческих, и на месте капищ возводил церкви. Православные коми почитают свят. Стефана Пермского, тогда как в среде безрелигиозной

коми интеллигенции утвердилось мнение, что Стефан разрушил национальную духовность
коми.

Православная провинция. Смоленск

Статья написана в апреле 1999 года. По русски не публиковалась. Частично опубликовано: Frontier – England – Oxford – 2000, № 1

«Быть русским значит быть православным». Если вы услышали эту фразу в России, то можете быть уверены в том, что тот, кто ее произнес, принадлежит к «патриотическому лагерю». Интеллектуальная несостоятельность этого лозунга очевидна как с богословской, так и с политической точек зрения. Порождена она отсутствием созидательной универсальной идеи, которая могла бы дать почувствовать русским, только что освободившимся от коммунистического учения, собственную национальную идентичность. «Несмысленные Галаты» пытаются положить в основание «русской идеи» православие, не задумываясь о том, что православие в качестве наднациональной религиозной системы размывает национальные границы. Те из «патриотов», кто это интуитивно нащупывает, вообще отказываются от христианства и обращаются к язычеству, к культу крови предков. В своем существе патриотическая и религиозная идеи находятся в антагонистических отношениях, поскольку патриотизм всегда локален, а религия, как правило, претендует на вселенскость.

Идеологическое формирование будущего российского поколения происходит в школе и в церкви. Рассмотрим его на примере Смоленской епархии, в которой религиозному и патриотическому воспитанию уделяется большее внимание по сравнению с другими епархиями РПЦ.

Смоленскую епархию (учреждена в XII веке) возглавляет один из самых ярких и образованных архиереев РПЦ митрополит Кирилл (Гундяев). Митрополит Кирилл занял смоленскую кафедру в 1985 году и разработал стратегический план «православного освоения» региона: строительство храмов, формирование положительного общественного мнения по отношению к церкви, развитие религиозного образования. Поначалу все силы епархии были направлены на устройство приходов сначала в районных центрах, затем – в сельской местности. Митрополит составил план, повесил в кабинете подробную карту области и отмечал флажками появление каждого нового прихода. К середине 90-х годов программа строительства храмов была в основном решена. Количество приходов выросло в пять раз и достигло 153-х. Частая смена населения в результате войн полностью разрушила православные традиции на смоленщине. Паства пассивно вела себя во время богослужения, почти никто не пел «Верую» и «Отче наш». Сегодня, по мнению митрополита, ситуация начала понемногу меняться, количество воцерковленных увеличиваться.

В интеллектуальной и культурной жизни Смоленска большую роль играет почвенническая интеллигенция. Однако значительная ее часть, с уважением относясь к православию как традиции, равнодушна к мистическим проблемам церкви и рассматривает христианство как явление культурного порядка. В городе зарегистрировано огромное количество патриотических организаций. Во второй половине 90-х годов митр. Кирилл активно способствует их возникновению. В 1996 году он становится председателем смоленского отделения Всемирного русского народного собора (ВРНС). Смоленское отделение ВРНС претендует выполнять связующую роль между властью и обществом, обсуждая на своих конференциях глобальные вопросы, связанные с образованием, со здоровьем нации, государственной безопасностью и так далее. ВРНС пытается играть политическую роль.

Митрополит Кирилл поддерживает развитие смоленского Земского движения (с 1994 г.), которое возглавляет профессор Медицинской академии Олег Молотков, один из самых уважаемых людей в городе. В работу земского движения включилась практически вся почвенническая вузовская и творческая интеллигенция: преподаватели, художники, музыканты. Земцы

изучают состояние образования и здравоохранения; выявляют талантливых детей в сельских школах, которых на спонсорские средства устраивают учиться в смоленские высшие школы; организывают дешевую распродажу семян; создают детские учреждения, например кадетский корпус в г. Ельне (Смоленская область) в казармах расформированной 1-ой танковой армии, и так далее.

На Рождество и Пасху епархия организывает в помещении драматического театра торжественные собрания, на которых в неформальной обстановке могут встречаться интеллигенция, власть и военные. Все эти инициативы повышают престиж епархии и придают митрополиту Кириллу в глазах жителей Смоленска статус крупного государственного деятеля.

Особенное внимание епархия уделяет развитию просветительных и учебных православных программ. Издается епархиальный журнал и несколько газет. В 1992 году при Свято-Успенском кафедральном соборе была открыта Православная гимназия, в одиннадцати классах которой обучаются 200 детей. В 1996 году в городе Рославле (Смоленская область) при Свято-Преображенском монастыре открыта Православная гимназия № 2. Здесь обучаются 45 школьников. В епархии работают 47 воскресных школ. Создано два православных детских сада: в Смоленске (1991) и в г. Велиже (1994). В библиотеке Смоленского университета еженедельно проводятся лекции, на которых освещаются церковные вопросы. Проводится ежегодный литературный конкурс для школьников «Мой путь к вере». Лучшие сочинения публикуются в «Смоленских епархиальных ведомостях» и в газете смоленской администрации «Рабочий путь». В областном драматическом театре собирается Клуб православных студентов.

На фоне яркой личности митрополита Кирилла в епархии невозможно выделить более или менее заметную фигуру, которая бы играла самостоятельную роль в религиозной жизни региона. Исключение составляет ректор Смоленской духовной семинарии протоиерей Виктор Савик, превративший семинарию в своего рода «государство в государстве» и ведущий, благодаря большим связям в Европе, самостоятельную деятельность, не противоречащую политике митрополита. В семинарии обучается 120 студентов. При поступлении конкурс составляет примерно два человека на место.

В семинарии преподают священники епархии, профессура местных вузов, преподаватели из Петербургской духовной академии. Проводятся ежегодные семинары для учителей, преподающих в школах Смоленска «Основы православной этики и культуры». Семинария инициирует ежегодные межъепархиальные конференции, например «Богословское образование: традиции и развитие» (1997). Ректор приглашает на конференции и встречи известных российских и зарубежных православных деятелей. Можно назвать имена священника Михаила Фортунато, историка Д. Поспеловского, писателей Р. Редлиха, Л. Бородина, Н. Струве. Для меломанов в помещениях семинарии проводятся концерты духовной и камерной музыки, превращая семинарию в один из культурных центров Смоленска.

Нельзя не отметить педагогическую активность смоленской епархии, однако, успех этой образовательной деятельности невелик. Руководство смоленского Земского движения в 1998–1999 годах провело среди учащихся средних школ ряд социологических опросов, посвященных проблемам патриотического воспитания и религиозного образования.

Опросы показали, что большая часть учащихся недовольна появлением религиозных дисциплин в школе. На вопрос «следует ли вводить в школе Закон Божий» 51 % городских школьников ответил отрицательно, 15 % – положительно. В сельских школах разрыв между противниками и сторонниками религиозного образования оказался еще выше. Против – 54 %, за – всего 8 %. Меньшинство школьников, поддержавших идею религиозного образования, выражают неудовлетворение культурно-нравственным состоянием российского общества, в целом поддерживают демократические европейские ценности и связывают свое будущее с бизнесом.

Одновременно школьникам был задан вопрос: «Благотворно ли патриотизм действует на развитие российского общества?». Подавляющее большинство ответило утвердительно: 74 % городских школьников и 65 % сельских. Отрицательный ответ дали 5 % городских и 2 % сельских учеников.

Опрос показал, что смоленская молодежь поддерживает патриотические настроения, но не связывает их с религией. Если они и поддерживают православие, то только как традиционную веру, как один из элементов национальной истории. Опираясь на данные, полученные смоленским Земским движением, можно предположить, что со временем патриотически настроенная часть общества, все меньше нуждаясь в православной поддержке, будет искать опору в иных идеологических концепциях.

Епископ и муха

1999, май. Публикуется впервые.⁵

В некотором царстве, в некотором советском государстве жил был епископ. Имя его я запамятовал, но точно помню, что был он человеком добрым. И умным. И от этого много страдал. Территория епархии, на кафедре которой ему довелось пребывать, была огромной. А церковью там было – раз, два да обчелся. Власть в ту пору была крепкой, начальство принципами не поступалось, как принято нынче, и епископу всегда показывали его место. Место это находилось на краю города, в деревянном домишке, который назывался довольно внушительно – Епархиальное управление. Управлял же епархией специальный государственный чиновник, которого называли страшным словом – «уполномоченный». Уполномоченный презирал епископа и вмешивался во все его дела. Епископ уполномоченного побаивался и в узком кругу язвил: «Уполномоченный упал намоченный». Намоченному уполномоченному доносили на епископа прямо из узкого круга. И уполномоченный готовил новые каверзы. А епископа одолевала мечта-идея. Епископ мечтал перехитрить безбожную власть и взять ее не количеством, а качеством. И для того епископ рукополагал в священники молодых ребят с высшим светским образованием...

Саша Цветков никогда не прятался от комсомольского патруля. Он любил стоять в центре храма, и владыка заметил, что сегодня на «мир всем» юноша не склоняется, а наоборот, слегка откидывает голову назад и медленно кладет крест. Саша вглядывался во Всевидящее око над царскими воротами и улыбался. Вчера он решился уйти из лаборатории и дал владыке согласие на рукоположение. Саша, Саша, повторял епископ, что проку от твоей физики-кибернетики, если она Троицу объяснить не способна.

Саша стал священником и уехал на приход в село Первомайское. Дыра дырой. Оттого – спокойно. Никто тебя не мытарит. Колхознички хоть и не верят, но батюшку не обижают. Одно плохо – Любу на работу не берут. Жену. Ни в школу, ни в библиотеку. Деток Господь не дал. Она тоскует. Просит вечером: Саша, почитай мне вслух про карлика из Плодомасова. Саша берет с полки красного цвета томик и читает. Он любит свою Любу и жалеет. Он и колхозников жалеет. И владыку. Владыка плох стал. Говорит, что новые порядки непонятнее старых. Бранит коммунистов, бранит демократов. Ворчит с утра до ночи. Ну да... что ж тут лукавить. Скажем прямо – запил владыку под старость. И сильно запил. Нашлись из узкого круга доброжелатели – патриарху сообразили доносик, а в местной газетке статейку под псевдонимом тиснули. Заголовок броский – что-то вроде «Служил владыка за пол-банки».

В общем, владыку отправили на покой. Прислали нового. Молодого. Никона. И началось... Чистка. Одним словом – перестройка.

Времена новые. Монетаристские. Никон после десятилетки бухгалтерские курсы кончал. В монетаризме смыслит. Требует налоги с приходов увеличить, цены на крещения-отпевания поднять и на бедность прихожан не ссылаться. Нет бедных приходов, повторяет, есть ленивые попы. А особенно ленивы – образованные, которые книжек поначитались. Бездельники, мать их...

От старого владыки библиотека осталась. Мережковский, Мейендорф, Ильин. Всю эту умность Никон приказал собрать в кучу и сжечь за гаражами. Да поосторожней. Неровен час

⁵ Православный священник одной из отдалённых епархий рассказал мне историю о том, как его запретили в священнослужении за то, что во время литургии на престол упала заснувшая муха. Настоящего имени своего он просил не открывать, а рассказывать про случившееся с ним не запретил.

гараж спалите. Вместе с фордом. Никон любит, чтоб на форде ехать. С музыкой. Любимый ансамбль – «На-На». И музыка у них приятная, и парнишки. Парнишки приятные. Чистенькие.

А ленивых образованных попов Никон отправил в заштат. Сразу десятерых. Нечего с ними валандаться.

Дела в епархии пошли на лад. Никон дал интервью главной областной газете, в которой объяснил, что епископ – это наместник Бога на земле и предложил губернатору поделиться властью. Ему – светскую, а епископу – духовную. Губернатор – Эдуард Шварц – согласился и даже приехал к Никону на ужин. Особенно губернатору запомнился последний тост. Пьяненький епископ, по пушкински откинув руку с хрустальной рюмкой, грозно посмотрел на икону Спасителя и врезал: «Ты, кто Ты такой? А? Молчишь? А я – е-пис-кап!».

Эту икону Спасителя привезли как раз из Первомайского. XVII век. Духовная ценность – колоссальная. Что ей в деревне болтаться. И этот физик тощий, отец Александр – хорош. Спорить начал. Мол, бабки от большевиков эту икону прятали, сохранили. Вот и молодцы, что сохранили, для церкви сохранили. Не для себя. Владыке лучше знать, в каком доме ей висеть. А к Александру мы завтра с комиссией поедем. По снежку.

...Светало. Прихожане нестройно пели «Верую» и с надеждой на солнце поглядывали в окна. Солнца не было. «Во святую, соборную и апостольскую Церковь...» Слова молитвы замерзали вместе с паром и градинками постукивали по деревянному полу. Единственная исправная печь в алтаре дымно пытела, как астматик. Владыка ежился, хмурился. Члены комиссии вслед за ним тоже хмурились. Тучи стужались над головой отца Александра. Некстати вспомнил, как в университете на защите диплома уронил на пол очки. Стекла – в разные стороны. Он пытался сгрести их руками в кучку. Профессор Шкадов засмеялся: «Что, Саша, слабо без глаз защищаться?». Вдруг послышалось жужжание. Откуда-то из-за печи медленно поднялась проснувшаяся муха. За ней вторая. Они сонно парили над Никоном, словно два крошечных вертолетика. Иподьякон улыбнулся и громко, в расчете на владыкины уши, шепнул: «Грязновато тут у вас, отец Александр».

К концу службы похолодало. Один из жужжащих вертолетиков упал. Прямо на престол. Возле чаши. Подергался немного, потрепыхался и затих. Кошунство налицо. Епископ осклабился. Он любил шутить: «А что, отец Александр, скажи-ка ты мне, кто сейчас посреди нас? Христос или муха?».

Отец Александр стоял на амвоне с чашей в руках. Последний раз.

«Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз. Еще верую, яко Сие есть Самое Пречистое Тело Твое и Сия есть Самая Честная Кровь Твоя. Молюся убо Тебе: помилуй мя и прости ми прегрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, и сподоби мя неосужденно причаститися Пречистых Твоих Таинств, во оставление грехов и в жизнь вечную. Аминь.»

На следующий день отец Александр был запрещен в священнослужении. Бездетная матушка Люба плакала. Саша прижал ее к себе и спросил: хочешь, почитаю тебе вслух?

Про Ахиллу?

И про Ахиллу, и про Савелия и про всю нашу православную плодомасовскую жизнь.

Архимандрит Зинов: «Я более не хочу жить враждой»

Опубликовано: Кестонская служба новостей, 16 июля 1999 г.

В ноябре 1996 года, архиепископ Псковский и Великолуцкий Евсевий (Савин) запретил в богослужении известного иконописца, лауреата Государственной премии России (1995) архимандрита Зинова (Теодора) на том основании, что он причащался с католиками на мессе, которую отслужил в Пскове в Мирожском монастыре итальянский католический священник, директор Центра «Христианская Россия» Романо Скальфи.

Это событие вызвало в католической и православной прессе бурную реакцию. Популярный в церковных кругах православный публицист протоиерей Валентин Асмус на страницах московской газеты «Радонеж» поддержал решение архиепископа Евсевия. Православный богослов Оливье Клеман выступил в защиту иконописца в парижской газете «Монд». Священник Романо Скальфи обратился с письмом к патриарху Алексию, в котором указывал, что, совершая мессу в православном монастыре, не подразумевал «нарушать канонические правила», а желал «преодолеть те болезненные разделения, которые еще существуют между двумя нашими Церквями». Сам архимандрит Зинов указывал на прецеденты экуменической евхаристии, совершавшейся с благословения Московской Патриархии. В частности, в интервью редактору журнала «Континент» И. Виноградову (Континент, № 97) о. Зинов сказал: «В Троице-Сергиевой Лавре, еще когда я сам там жил при патриархе Пимене, была специально отведена Смоленская церковь для католических богослужений... бенедиктинский монах в Псково-Печерском монастыре в 1979 году в субботу первой седмицы Великого поста лично у меня на глазах причащался из одной чаши вместе с о. Иоанном Крестьянкиным, с наместником и со всеми почтенными старцами, и никакого скандала никогда из-за этого не бывало».

В настоящее время архимандрит Зинов по-прежнему запрещен в священнослужении. Живет в деревне Гверстонь в пятидесяти километрах от Пскова возле самой русско-эстонской границы. Он отказался от контактов с внешним миром, никуда не выезжает (слухи о том, что он много времени проводит за границей, не подтвердились), не принимает посетителей, отказывается от контактов с прессой. Настоящее интервью – исключение.

Отец Зинов, вот уже три года, как по указу Вашего правящего архиерея, архиепископа Евсевия Вы находитесь под запретом и не имеете права совершать богослужение. Причина запрета – Ваше совместное причащение с католиками.

Я действительно причащался на католической мессе, которую служил в еще не освященном храме Мирожского монастыря католический священник отец Романо Скальфи. Это богослужение не было публичным, но о нем стало известно владыке Евсевию по доносу, написанному неким туристом-эмигрантом, который является прихожанином Русской Православной Церкви Заграницей. Он оказался случайным свидетелем того богослужения. Я не намерен пускаться в канонические споры по поводу того, что на меня наложили запрет по свидетельству члена иной церкви. Также я не намерен утаивать сам факт моего участия в совместной Евхаристии с католиками. Возможно, что формально епископ поступил со мной правильно, но по евангельскому духу – неправильно.

Запрещение может быть снято лишь в случае Вашего раскаяния?

Наша церковь признает таинства католиков, а значит, признает и саму Католическую церковь, ведь вне церкви таинства не совершаются. К церковным таинствам без веры не приступают. Меня понуждают к раскаянию. К раскаянию в чем? В том, что я причастился Тела и Крови Христовой? Каяться в этом я не могу, поскольку это будет прямое кощунство и глумление над Христом.

Вас обвиняют в отсутствии смирения и чрезмерной гордости, источник которой – Ваше осознание собственного таланта как иконописца.

Иконописец – это не художник в светском смысле слова. Он не должен самовыражаться в иконе. Он должен писать икону так, чтобы она помогала молиться. Иконописание – это составная часть богослужения. Плохо написанная икона раздражает так же, как дурное церковное пение или плохое, безграмотное чтение богослужебных текстов. Господь дал мне умение писать иконы, Ему принадлежат мои таланты, и здесь мне гордиться нечем. Я не единственный иконописец в Церкви и готов смириться, если меня осуждают как грешного человека или как плохого иконописца. Но я не могу смириться, когда меня понуждают к хуле на церковные таинства.

Псковское духовенство рассказывало мне, что архиепископ Евсевий высказал следующее мнение о таинствах Католической церкви: если православный христианин в случае физической невозможности причаститься на православном богослужении принимает Святые Дары из рук католического священника, то он действительно причащается Тела и Крови Христовой. Если же он приступает к Причастию на католической мессе без вынужденной необходимости (например, в России, где много православных церквей), то он не получает благодати, поскольку в этом случае Святые Дары не являются Телом и Кровью Христовыми.

Благодать не зависит ни от географии, ни от политических границ. Благодать носит экуменический, то есть вселенский характер. Иудеи не общались с самарянами, и самарянка, у которой Христос попросил пить, была удивлена Его просьбой. Помните, что ответил ей Иисус? «Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую». Вот вам евангельский пример экуменизма, и показал его нам Сам Христос. Суть глубинного экуменизма не в преодолении юрисдикционных противоречий, а в том, чтобы в ином видеть брата. Нельзя во всех окружающих нас людях видеть врагов. Латиняне всегда отличались от византийцев, еще до схизмы. Отличались формой, традицией. Истина Евангельская по-своему преломлялась в национальных культурах. Раскол есть, я с этим согласен, но ереси нет! Святой Филарет Дроздов даже лютеран не считал еретиками. Что касается лично меня, то я более не хочу жить враждой.

На будущее нашей Церкви Вы смотрите пессимистично?

Трезво смотрю. Если существующие установки сохранятся, то ничего хорошего впереди нас не ждет. Нужно быть честным перед собой и перед членами Церкви. Церковные власти пытаются всем угодить: и правым и левым, и светским и церковным. Но всем угодить невозможно. Безгрешный Христос и Тот всем не угодил. Нашу Церковь окутывает сектантский дух, она может остаться в таком же одиночестве, как та же Зарубежная Православная Церковь. Самоизоляция – это смерть.

Вы думали о возможном переходе в католичество?

Я монах Русской Православной Церкви. Я не перейду не только в Католическую церковь, но даже в другую православную юрисдикцию. Я знаю, что Московская патриархия никогда ничего никому не прощает, но я умею ждать. Сижу и жду.⁶

⁶ В конце 2001 года с архимандрита Зинова снят запрет в священнослужении.

Монолог женоненавистника

2000, сентябрь. Публикуется впервые⁷

Действие происходит утром 8-го марта в Москве, в Подсосенском переулке, в коммуналке. Лаборант Института философии Борис Нурмухамедович жарит яичницу. Володька-барабанист, подрабатывающий на похоронах в духовом оркестре, выходит из уборной, направляется к умывальнику, замечает соседа.

...Смех у вас, Борис Нурмухамедович, за левым плечом – нездоровый. С добрым утречком... Бес там у вас прижился. Сидит себе на плече. Хи-хи да ха-ха. Посмеивается. Гадит проклятый...

Вот вы думаете, это так себе – шуточки. Курите себе папироски. А невдомёк вам, что кадите рогатому. Вы, Борис Нурмухамедович, человек читающий, а не знаете того, что телевизор смотреть нельзя. Вот вы его, телевизор, в угол поставили. Между прочим – в красный. Ну и что из того, что не верующий? Вы ведь, товарищ, в России живёте. И хотя некрещёный, а придерживаться надо. Жить в обществе и быть свободным – нельзя. Помните? У нас какая квартира? Да нет, не седьмая. Квартира у нас – коммунальная. Вы на своём компьютере по интернетам лазите. А моя койка – за стеной. От вашего интернета – двадцать сантиметров. Говорите – не влияет? Влияет. Ещё как влияет. Вы когда в интернет залазите, какие три буквочки нажимаете? WWW? Буквочки-то с рожками. То-то, Борис Нурмухамедович. Вы вот мне не отвечаете. Молчите. Может, даже брезгуете. А я, между прочим, вам не просто сосед. Я – ближний ваш. Я помочь желаю. Я к вам – с открытой душой, а вы вот спиной ко мне стоите, яишенку с ветчиной жарите. А ведь это – грех. В посту – яишенку. Вам, Борис Нурмухамедович, о душе бы подумать. А у вас женский день на уме. Спозаранку, я заметил, на Курский вокзал бегали. За цветами для супружницы вашей. А ведь праздник-то не наш. Не наш праздник. Духовно не наш. Вы не подумайте – я не осуждаю. Осуждать – грех. Я вам очи духовные открыть хочу. Я ведь и сам до прошлого года 8-е марта отмечал. Во власти был, так сказать, нижних чакр. Женщин очень любил. Я имею в виду – поздравлять. Но прошлым летом, родной мой Борис Нурмухамедович, заболел я. Нижние чакры – закрылись. Но открылся – третий глаз. И увидел я, что все кругом грешат. Что все кругом меня источают своим грехом отрицательные энергии, а я от этого болею. Они, сволочи, гуляют, а я болею. Они гуляют, а я болею...

Я курить бросил. Мяса полгода не жру. Свечки липкие покупаю. Бездельникам хромоногим на паперти подаю. Телевизор, как старцы учат, выбросил к чёртовой матери. Ничего не помогает. Не открываются чакры нижние, хоть ты сдохни. А почему? А потому, Борис Нурмухамедович, что вы все не хотите жить жизнью праведной, а хотите жить, как хотите. И ваши энергии безбожные всю мою жизнь отравляют. И не надо бровками удивление показывать, не надо. Мы вас, нехристей, нашей вере обучим. Крестим всех! И будете источать энергии положительные! Обучим вас родину любить... Не знаешь – обучим, не хочешь – заставим. Дело – знакомое.

Да ты не дёргайся, не дёргайся. Дёргаться на койке будешь, хе-хе... Цветы он закупил. Здра-сте! С женским днём!

Да от баб – одни неприятности. Ты присмотришься к ним, Борь. Злые, глупые. Ходят, виляют, понимаешь, работать людям не дают. Страну развалили. Какая страна была! Всю развалили, суфразжистки проклятые. 8-е марта им подавай! Цветы, шампанское! За что? Они ведь

⁷ Несколько лет назад в православной среде возникла дискуссия о мистическом содержании Женского дня 8-е марта. Монологом женоненавистника я решил, пусть и шуточно, но поучаствовать в дискуссии.

все – колдуньи. Ты посмотри в Думе, на депутатов на этих. Намазаны, расфуфырены, лезут-визжат, мужикам слова сказать не дают. Ты, Борис мой Нурмухамедович, думаешь, как они депутатами заделались? Отчего это вдруг народ наш, простой наш доверчивый народ феминисток этих народными избранницами избрал? Не знаешь? Вы, интеллигенты, вечно так: чуть что – не знаем... А я знаю. Мне дьякон знакомый рассказал, что все депутатки – ведьмы. Они народ очаровывают, околдовывают речами сладкими, мозги парят как хотят. Их и избирают. Вроде их в Думе и немного. Но заметь – в каждой фракции обязательно есть своя депутатка. У Геннадия Андрейча – есть, у Григория Алексеича – есть. Ко всем просочились. Даже в наш дом просочились. На втором этаже видел, коммуналку выкупили? Стеклопакеты ставят. Кто? Что? Откуда? Хозяйка ходит, испачкаться боится, шубку запахивает, виляет. Говорят – тоже депутатка. Из Сибири прибыла. С Алтая вроде. А кто там на Алтае? Ясное дело – шаманки.

Я дьякона своего спрашиваю: отец Андрей, а отчего это женский день во мне такое раздражение вызывает? Может, это от болезни моей? От слабых чакр? А отец Андрей говорит: про чакры не думай, на всё воля Божья, а раздражаешься ты правильно. Это в тебе религиозное чутьё возмущается, поскольку испокон веку на 8 марта Иродиадин день приходился, а вовсе не международный женский. И каждый год 8-го марта на вечерней службе читалась слово Иоанна Златоуста о зверопродобии безбожных женщин, таких как Иродиада, которая любовницей Ирода была, которая потребовала голову Крестителю отрезать. Иродиада-то колдуньей была. Не хуже наших депутатов плясала. Точно тебе говорю, Мухамедыч. И Андрей врать не будет. Он же – дьякон. Дьяконá не врут. Андрей говорит, что в шоу-бизнесе то же самое. Три-четыре тётки с экрана не слазят. Посмотри – прыгают, приседают, всяко наклоняются, тьфу... По сцене дым стелется. Петь не умеют, а их все обожают. Как старый барабанист заверяю: петь не умеют! А тут на тебе! Ладно мужики, девки до них дотронуться мечтают. Во! Кто они как не ведьмачки? Всё захватили оборотни в юбках. Всё! И театры, и телевизор! Потому старцы и говорят: в театр – не ходить! Телевизор – не смотреть!

Мужиков в телевизоре и вовсе изжили. Если какой держится, так и тот... как его... прости Господи... забыл... по-учёному? Гей! Во. Вспомнил. Гей – по-учёному. Порченный, значит...

Эй, Борис Нурмухамедович, яишня твоя вроде как пригорела. Ты что застыл? Согласен со мной? Будешь нашу веру принимать? Нет? Ну смотри. Пеняй на себя. Я от ваших энергий гибнуть не собираюсь. Я за чакры свои бороться буду. До последнего вздоха. Пока не вылечусь.

Я ведь тоже мужик был, и без бабы мне, Борька, ой как грустно.

Стояние Зои в граде Самаре

2000, декабрь. Публикуется впервые⁸

ВГТРК. Радио России.

Программа «ВО ЧТО ВЕРИТ РОССИЯ»

Автор и ведущий: Александр Щипков

Тема: «Стояние Зои в граде Самаре»

Эфир: 26 декабря 2000 год

Время: 9.30-9.44

Хронометраж: 13.20

СЦЕНАРНЫЙ ПЛАН

Позывные программы «Во что верит Россия» (колокольный звон, переходящий в нищенский вальсок)

Ведущий (на музыке):

Вы слушаете новогоднюю информационно-аналитическую программу «Во что верит Россия». У микрофона – Александр Щипков. Здравствуйте и с наступающим Новым годом, дорогие слушатели Радио России...

Православие зиждется не только на Писании, но устных повествованиях, история и легендах, в которых так или иначе отражается опыт церковной жизни. Сегодня я расскажу вам удивительную историю, которая случилась в середине уходящего столетия у нас в России, в городе, носящем имя советского государственного и партийного деятеля Валериана Куйбышева. Расскажу о чуде, которое в народе получило название «Стояние Зои». Вы-то сами – верите в чудеса?

Джингл – «Беседы у Казанского собора»

⁸ Публикация представляет собой сценарный план радиопрограммы «Во что верит Россия». В 50-е годы рассказ о стоянии Зои облетел всю страну. Описываемые события становились реальностью независимо от того, имели ли они место вообще. Здесь я предлагаю свой вариант легенды, основанный на рассказах моей покойной бабушки Варвары Леонидовны Щипковой.

Плѐнка с фонограммой, хр. 0.30

(Интервью на улице. Прохожие говорят, что не верят в чудеса)

Ведущий реагирует на последнюю реплику:

Выходит – потеряли мы вкус к чудесам. Ну, ничего, не отчаивайтесь. Ваши чудеса ещё впереди. Они ждут вас. А пока послушайте-ка, какое чудо случилось с девушкой Зоей в 1956 году, в советском городе Куйбышеве, на улице Чкалова, в маленьком деревянном домишке.

Звучит грустная музыка

Мелодия песни «О любви к Родине». Группа «Ноль»

Ведущий (на музыке):

Шёл рождественский пост. Тёмные и необразованные граждане, упорно называвшие григорианский календарь советским, а юлианский – православным, тайно постились и украдкой осеняли себя крестом, глядя из окна на подвыпивших комсомольцев...

Комсомольцам хотелось праздника. Им было наплевать на календари. Новый год – он и есть Новый год. Бутылка белой неудобно, но приятно оттягивает брючный карман. Холодит. Тропинка вдоль забора узкая, того и гляди оступишься. А впереди – чувиха. Так и чешет ножками, как по половице. Твёрдо. С вызовом. Чувствует, что сзади мальцы посматривают.

(Увод музыки)

Зоя работала на трубочном заводе. Дали тринадцатую. Она купила у тёти Маруси антоновок и шла на Новый год. К Клавдии Петровне Болонкиной. Не столько к ней, сколько к её сыну Николаю. Шла и хрустела на морозе яблоком в такт хрусту снега. Куснёт яблочко – хресь! И два шажка по снегу – хресь-хресь. Зубками – хресь! Ножками – хресь-хресь. Опять зубками – хресь! И ножками – хресь-хресь.

А мальцы сзади любят. А она знает, что любят. И папироски в темноте сфетофорчиками. Пых-пых. Дымок вкусный. Зойка красивая. Мальцы молодые. Тоже к Болонкиным направляются. А напротив в тёмном окне – бабка невидимая крестится. По юлианскому календарю дура мяса не ест. Ешь – не ешь, все там будем! А Зойка уже калиткой клацает. Платок со снежком на плечи откидывает. Зеркало глазами ищет. Не находит. И своё отражение в каком-то стекле видит: прядка на месте. А за стеклом дед с бородой, пальцы крестиком держит. Чур меня, старый. Я молодых люблю!

А мальцы папироски в снег затоптали, следом в залу входят. Тяжело ступают, будто устали. Взрослых мужиков, черти молодые, изображают. «Тётя Клава, здрасте. Колян-то где?»

Тётя Клава отвечает, что сын куда-то запропастился, что стол накрыт, что она к соседям Новый год справлять убегает и что в «угловом» ленинградских шпрот четыре банки достала. «Две – с собой, две вам оставила».

«Спасибо, тётя Клава!»

Клавдия Петровна ушла, и комсомольцы начали провожать старый, затем встречать новый. Зойка раскраснелась. Сердце стучит. А Николая всё нет. Эх, мальцы – заводи пластинки!

Музыка – «Ландыши»

проигрыш

Я танцевать буду. Вот с этим дедом. Что пальчики скрестил? Скромный?

Хвать Николая Угодника из угла и закружилась стерва гладкая, и закружилась. Мальцы едва дышат.

Всплеск «Ландышей», резкая остановка музыки

Ведущий:

И вдруг...

Отбивка – грохот падающего стула...

и ведущий без музыки:

И вдруг всё остановилось. Зоя с иконой в руках и перекошенным от ужаса лицом замерла и не могла ни пошевелиться, ни вымолвить слова. Её попробовали толкнуть, но она словно приросла к полу. Прибежала перепуганная тётя Клава, сбежались пьяненькие соседи, кто-то вызывал врача, кто-то милицию, и тут началось такое, что вообразить невозможно...

Давайте передохнём...

Звучит джингл – «Перпендикулярная музыка в программе Александра Щипкова «Во что верит Россия»

Группа «Ноль», Федя Чистяков поёт «Буги-Вуги». Хр. 2.00

Проигрывши на хвосте звучит громко, не микшируется. На проигрывше ведущий почти кричит:

Вы слушаете информационно-аналитическую программу «Во что верит Россия». У микрофона – Александр Щипков. Я продолжаю рассказ о стоянии Зои. Приглушите Буги-Вуги, пожалуйста...

Музыка резко уводится

Ведущий:

Спасибо.

Народ повалил на улицу Чкалова. Слух о Зое, прикованной к полу за богохульство, распространялся со скоростью мысли. Пешая и затем конная милиция дежурила возле дома на Чкаловской уже несколько дней. Мальцов, плясавших с красавицей Зоей допрашивал московский особист, вызванный особистами куйбышевскими. Тётя Клава отправила своего Кольку к сестре в Чапаевск от греха подальше. А доктора тщетно пытались понять, что происходит с телом красавицы Зойки.

На пятый день стояния уполномоченный по делам религии товарищ Алексеев позвонил епископу Иерониму и потребовал, чтобы тот с амвона опровергнул чудо. Епископ отказался.

Через несколько дней в Куйбышеве была собрана областная партийная конференция. Первый секретарь обкома КПСС товарищ Ефремов растерянно заявил делегатам: «Да, произошло такое чудо, позорное для нас, коммунистов... Начал собираться народ, потому что неумело поступили руководители милицейских органов... некоторые додумались даже до того, что вынесли предложение послать туда попов для ликвидации этого позорного явления... Бюро обкома порекомендовало бюро горкома виновников строго наказать...»

Кого уж там наказал горком, мне неизвестно, но если в 1954 году в Куйбышеве было прочитано всего 832 атеистических лекции, то за первый квартал 1956 года их начитали более 2000. И пока лекторы мотались по заводским и сельским клубам, народ валом валил в сохранившиеся храмы.

История о стоянии Зои быстро разлетелась по российским городам, временно носящим не менее странные названия, чем Куйбышев, где и случилось наше чудо.

А что же стало с Зоей? Конец истории, как водится, покрыт мраком. Кто говорит, что она кончила свои дни в больнице для умалишённых, кто уверяет, что она жива и что её даже видели среди инокинь Пюхтицкого монастыря. Но все сходятся в одном – ожила Зоя лишь весной, в день Светлого Христова воскресения.

Моя покойная бабушка, рассказывая мне в детстве перед сном в очередной раз историю о Стоянии Зои, всегда завершала свой рассказ одинаково: «И вот в один день оказался напротив Зои старичок. Подошёл, взял у неё из рук икону и исчез, так неожиданно, что сторожа не успели схватить его. А Зоя заплакала и ожила». Если вы, мои уважаемые слушатели, догадались, кто был этот старичок, – пишите мне на Радио России, в Петербург, на Итальянскую улицу, в дом номер 27.

Наш рассказ завершён, а я хотел бы только добавить, что недавно был в Самаре, на той самой улице, возле того самого дома и видел возле соседней калитки старушку. Она сидела на складном стульчике с закрытыми глазами, слегка откинув назад голову, и тихо повторяла: «Святой отче Николае, моли Бога о нас».

А на коленях у неё лежал православный календарь. Юлианский.

С вами был Александр Щипков, с программой «Во что верит Россия».

Звучит «закрышка» программы «Во что верит Россия».

Хор митьков поёт:

*«Боже, даруй ясность и душевный покой
Принять всё то, что я не могу изменить,
Смелость изменить всё, что могу,
И мудрость отличить одно от другого».*

Про то, как губернатор в бога уверовал

Написано в мае 2000 г. Опубликовано: «Дело» (Спб). 3 июня 2002

Александр Щипков

А послушайте-ка, православные, поучительную историю про то, как Нева из берегов вышла, про ураган с грозой и про то, как петербургский губернатор от страха перед силами природы в Бога уверовал. История эта – недавняя, а рассказал ее мне одноногий нищий, что всегда у станции метро «Владимирская» напротив церкви стоит. Да вы его знаете – одна кепка на голове, вторая – в руке. Володька. Прозвище Нехристь. После войны Нехристь в органах служил, затем жена его с любовницей засекла и стукнула на Шпалерную, что у него во дворе Куйбышевской больницы, за кочегаркой, под кучей старых калачей от экономайзера вальтер зарыт. Володеньку за мягкое место взяли, на Куйбышевку привезли да откопали не только пистолетик, но и немецко-фашистские дойче-марки, которые он сдуру в сорок пятом из Германии приволок и неизвестно зачем схоронил. Володька сел, да как-то так неудачно, что даже после XX съезда его не выпустили. На зоне и ногу потерял. Вешал в каморке у дежурного помощника начальника лагеря портрет Хрущева, запнулся, упал, ногу поранил стеклом. Рана загноилась – ногу отрезали. А на больничке-то Нехристь познакомился с Агафангелом, бывшим почтаевским монахом. Тот тубик был. Загибался. Койки их встык стояли. И понаслушался Нехристь сквозь кашель агафангельский всяческих историй, которые оченьгодились ему в старости, когда грянула перестройка и Володька начал промышлять попрошайничеством между Кузнецким рынком и Владимирской церковью. Вид у Володьки, правду сказать – жуликоватый. Может и врет он все про губернатора, но если и врет, то как-то очень достоверно. Поэтому я от себя ничего добавлять не стану, а перескажу Володькин рассказ, как говорят немцы нерусские – мот-а-мо, то есть бесплатно.

«Вот считается, если человек начальник, то он есть плут и прохиндей, и что ничегошеньки святого, у него в грудях не водится. Что продаст он и мать, и отца, и заезжего молодца, не говоря уже о вышестоящем начальнике. Много таких, не спору. Но только наш губернатор не из таких. Мне, одноногому, врать резону нет, потому как убежать быстро, сам понимаешь, не могу, а совравши можно и по шее схлопотать. Так что, браток, я вот что тебе скажу: на паперти я не первый годок и знаю доподлинно, что вера без дел, она совсем-совсем мертвая. Это точно. Пока губернатор в Бога нашего Спасителя не уверовал – дела не шли у него. Улицы он не мостил, дерьмо из парадных не выгребал, зоопарк вместе с пони маленькой американцам продал, по Смольному хрен знает кто болтался. Без пропуска даже. Одним словом – веры не было и дел оттого не было. Но, как говорит наш архиерей, образованнейший, я те скажу, мужик, математиком раньше был, каждая душа в душе христианка. Ну что от того, что губернатор не веровал. Может, он на людях не веровал? А в тайне веровал? И потому не напоказ, а втайне дела делал? Может быть, даже ворочал разными делами. И напрасно говорят, что он человек ненадежный, что товарищей своих мог ни за что разтормозить, что, мол, шефа своего подсел и его место занял. Главное, что теперь он, можно сказать, видоизменился к нашей матери-церкви и прилабунился на заходе дней своих к правильной вере.

Тут вот, чудак один нерусский по телевизору стебся, мол, у вашего у головы рот всегда открыт: то ли от глупости, то ли от удивления. Дурак. Мне еще Агафангел в зоне сказывал, что не то человека пакостит, что в рот попадает, хоть муха навозная, а то его пакостит, что из его рта наружу выходит. Конечно, наш-то в университете не кончал юриспруденцию, но зато когда рядом с митрополитом стоит и в свой черед речь говорит, то всегда так складно,

так крепко, что сразу видишь: не трибун – хозяйственник, «коммерс» по-ихнему. И митрополит его полюбил. Очень. А митрополит любого любить не будет. Значит, губернатор и как голова, и как коммерс достоин митрополичьей любви. Ты не смотри, что я на костыльках скачу. Я ни одной службы архиерейской не пропускаю, и, когда губернатор митрополиту прислуживает, тьфу, не прислуживает, а как это... ну... это самое... присутствует, в общем, я внимательно эту картину наблюдаю и впитываю.»

Тут Нехристь сплюнул на тротуар, тяжело оперся на костыли, потоптался на одной своей ноге, обутой в серый ботинок и грубо выругался: «Ленвест» гребаный, всю ногу стер. Ты, браток, когда свои кроссовки сносишь, обе в пухто не кидай. Только левую. Правую я заберу. Ну так вот. Когда губернатору нашему 65 стукнуло, я его на Крюковом видел. В Никольском соборе. Живого. Вот как тебя. Гадом буду, не вру. Менты всех бомжей с паперти поперли, а меня, видя мою медаль «За отвагу», оставили. Так наш-то, голова-то, мимо меня прошел. Высокий такой мужчина. Пахнет от него этой... как его... ну типа мяты, что мужики побогаче в парилке на каменку подбрасывают. Вкусно так. И тогда сам митрополит его поисповедал и причастил.

Я бы, конечно, губернатора и так причащал, без исповеди. Ему ведь нельзя исповедоваться, человек он государственный, грехи у него, какие есть, тоже государственные, и митрополиту знать незачем. А простому какому попу и подавно незачем. Лишнее искушение. Прости, Господи. Ну, что было, то было, врать не буду. Исповедался наш сердешный. Не закрывая рта.

А что потом было? Догадался? Правильно, обед потом был совместительный. Откуда знаю? От верблюда. Ритка, соседка моя, посудомойкой работает в лавре. Понял, журналист хренов? Бегаешь, вынюхиваешь. А мне хромому и бегать не нужно. Ритка все знает. Где что лежит, кто чего в епархии сказал, все безудержно знает и вечером на кухне рассказывает. У нас ведь на Загородном одни православные собрались. Ни тебе евреев, ни тебе азеров. Квартирка в сто пятьдесят квадратов. Все перемерли, четыре съемщика осталось. Живем как белые люди. И все – прикинь, браток, какое совпадение, – все при церкви. Ритка – посудомойка епархиальная. Ее бывший мужик Колька к суздальцам подался – в морге отцу Григорию собит жмуриков отпевать. Сереженьку-студента от иголки да колесиков на Каневце отчитывали, сейчас стихи божественные сочиняет. Про меня сам знаешь, я от храма ни ногой. Воцерковлен на все сто. Всегда рядом. Так что мы вечером ка-ак соберемся на кухне! Ритка нам кагорчику по стакашке ка-ак нальет! Все душевно. Сидим, Ритку слушаем. А Ритка и рассказывает, что после исповеди поехал губернатор вместе с митрополитом в Александро-Невскую лавру, где митрополита священным архимандритом называют... Кстати, браток, а отчего это архимандриты бывают, а мандриты не бывают? Не знаешь? Ну и дурак раз не знаешь. А я знаю. В Москву ездил когда к Матронушке собирать, то по радио по московскому слышал, как диктор объяснял, что в Греции в старину были мандриты, а в России никогда мандритов не было. Почему так не запомнил, а фамилию диктора запомнил. Диктор Кырлежев. Толково так объяснял, но шибко быстро говорил. Не ухватишь слету. В Москве вообще все очень спешно языком ворочают, но зато хлебосольные. Нашей чухне учиться и учиться у москвичей. Вот стоит только к кому зайти, считай – абзац! Трезвого не выпустят. Молодцы ребята.

Ну, значит, после исповеди поехал губернатор вместе с митрополитом в Александро-Невскую лавру, где митрополита священным архимандритом называют. Приехали и сразу вниз спускаются в трапезную, что под Троицким собором. Никто и не знает, что там трапезная под собором. А Ритка знает. И как не знать, если она там посуду каждый день моет.

Вот приходят они в трапезную, «очи всех» прочитали и садятся. Митрополит по центру. Губернатор тоже по центру, но чуть как бы все-таки не по центру, а правее. Слева от митрополита – отец эконома. И дальше по овалу все остальные – и церковные, и губернаторские. Первый

тост митрополит произносит. Повернулся так бочком к губернатору, рюмку держит в левой руке, мизинчик чуть-чуть оттопырил. Чуть-чуть. Ни больше, ни меньше. Как у приличных людей принято. В правой руке салфетка вышитая с ангелами. Умилительная такая салфетка. Митрополит долгое время за границей проживал. Умеет себя держать и в сервировке разбирается лучше всех в церкви нашей. И говорит митрополит следующее: «Уважаемый брат наш губернатор, вот вы молоды и не знаете, как тяжело жилось нам в иные годы, когда были преследования жестокие и духовенству порой и покушать было нечего. А теперь, благодаря перестройке и гласности, благодаря молодым реформаторам кушать есть. В том смысле, что есть что покушать. И нам грешным и всем тем, кого мы с вами, господин губернатор, опекаем, я имею в виду население. Мы ведь две власти здесь, а третьей не дано Христом. Власть духовная и власть ваша. Наша и ваша. Позвольте поднять этот бокал за ваш юбилей, за процветание нашей с вами родины, чтобы, как говорится, родина богатела, и было больше зажиточных людей, возле которых и мы, грешные, согреваемся и имеем силы исцелять недуги духовные посредством, образно говоря, духовных таблеток, через молитву о них».

Тут губернатор встает с ответным тостом. «Я, говорит, Ваше Высокопреосвященство, признателен и благодарю, и даже тронут. Еще девять месяцев назад я не подозревал о загробной жизни и идеалах христианства, которые мне дороги после поездки в Святую землю на экономическую конференцию в Хайфе. Потому что, возвращаясь со Святой земли к своим прямым обязанностям, я столкнулся со стихией. наших легчиков не предупредили о штормовом предупреждении со стороны Балтийского моря и вместо Пулковско-2, нам пришлось садиться в Пулковско-1 при условиях невидимости. Не буду рассказывать, в каком виде мы сели, но сели и сразу же помчались в Смольный к обязанностям. На город Святого Петра шел ураган. Расслабиться было нельзя. Я думал об избирателях. Молнии превосходили все ожидания синоптиков. На Синопскую набережную выплескивалась могучая река Нева. Не скрою: я не испугался. Но мне стало грустно и непонятно. Почему при старом губернаторе не было урагана, а при мне случился? Это кара или это знак? Я надеялся, что коммунальные службы, конечно, справятся, но боялся, что не устоят перед стихией и нанесут урон. И тогда я позвонил вам, уважаемый владыка. И вы знаете, владыка, что вы мне сказали? Вы, владыка, сказали, что это знак. И знак положительный. Вы утешили и объяснили силы природы, и объяснили, что молитва и горы двигает. Я, правда, еще не пробовал, шучу, конечно, но гроза миновала, и синоптики сказали, что ураган всей своей мощью обрушился не на город Святого Петра, а на Хельсинки, нанеся там катастрофические последствия. И тогда я понял, что Бог есть. Этот бокал я пью за Бога. И за всех присутствующих, чтобы жилось.»

Вот такие слова сказал губернатору митрополит, и такие слова сказал губернатор митрополиту. Господь, Он всех по-разному призывает...»

Нехристь раскрыл на растяжку рот, почесал большим и указательным пальцами уголки белесых губ, поправил мотню, посмотрел мне в глаза, затем перевел взгляд на кроссовки, подумал о чем-то своем и как-то холодно и отстранено произнес: шел бы ты, браток, с паперти. Собирать мешаешь разговорами своими.

Православная провинция. Белгород

Опубликовано: НГ-Религии (приложение к Независимой газете), 30 мая 2001

«Что касается свободы совести, то Белгород находится в катастрофическом положении. Несколько лет назад меня как русского изгнали из Таджикистана, теперь как протестанта гонят из России. Белгород – источник религиозного тоталитаризма, который может распространиться по всей России. Если понадобится, верующие готовы выйти на митинги протеста». Эти слова принадлежат Андрею Кузнецову, пастору пятидесятнической церкви «Слово истины», с которым мы беседовали 15 мая 2001 года в здании Управления юстиции города Белгорода.

Открытое для прессы заседание коллегии Управления юстиции Владимир Карнаухов, начальник управления, посвятил рассмотрению соблюдения федерального Закона о свободе совести и религиозных объединениях и областного Закона о миссионерской деятельности на территории белгородской области. В этот день «силовикам» – Управлению юстиции и ФСБ по белгородской области – с трудом удалось переломить ситуацию и предотвратить серьезный межконфессиональный конфликт, спровоцированный особенностями религиозной политики Администрации белгородской области.

Белогорье. Население – миллион с небольшим. На 200 православных приходов РПЦ МП – сорок протестантских общин, около пяти альтернативных православных, одна католическая, одна староверческая, одна кришнаитская. Мусульман нет, «тоталитарных» сект нет. Такой конфессиональный расклад предполагает законное историческое доминирование традиционного православия при мирном сосуществовании с протестантами. Поначалу так и было. Протестанты неспешно открывали новые церкви, численностью редко превышающей 40–50 человек, а православные, окормляемые архиепископом Иоанном Поповым, энергично отстраивали епархию. За пять лет построили 30 железобетонных храмов. Местные жители называют Белогорье православным царством, где симфония церкви и государства, к которой в интервью «Советской России» (20.06.1996) призывал епископ Иоанн, уже реализована⁹

⁹ Цит. по: Епископы и епархии РПЦ. М., 1997.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.